

Глава 2. Инструменты для исследования...

На что идут ваши налоговые отчисления

«Проект X» (Project X), популярный фильм 1987 года, дал многим американцам первое представление о том, какие эксперименты проводятся вооруженными силами США. События фильма вращаются вокруг эксперимента, который проводят Военно-воздушные силы. Его цель – увидеть, смогут ли шимпанзе «пилотировать» тренажер-имитацию самолета после того, как их подвергли радиоактивному облучению. Молодой курсант из военно-воздушного училища, в обязанности которого входит дежурить в лаборатории, привязывается к одной из обезьян; он научился с ней общаться, используя язык жестов. Когда приходит время подвергнуть эту обезьяну воздействию радиации, молодой человек (разумеется, с помощью своей привлекательной девушки) решает освободить шимпанзе.

Сюжет фильма – выдуманный, а эксперименты – нет. Основой для них послужили опыты, которые в течение многих лет проводились на военно-воздушной базе в Бруксе (Brooks Air Force Base), штат Техас, и до сих пор продолжают в различных вариациях. Но создатели фильма поведали не обо всем. То, что случается с шимпанзе в фильме, – это сильно смягченная версия происходящего на самом деле. Поэтому мы должны узнать об экспериментах из их описаний в документах Брукской военно-воздушной базы.

Как показано в фильме, эксперименты включают в себя нечто вроде летательного тренажера. Это устройство известно как Платформа равновесия для приматов, или ПРП. Оно состоит из платформы, которую можно наклонять и вращать как самолет. Обезьяна сидит в кресле, оно – часть платформы. Перед животным находится рукоятка управления, с помощью которой платформу можно вернуть в горизонтальное положение. Как только обезьяна обучается делать это, ее облучают радиацией и подвергают действию химических веществ, используемых на войне; цель эксперимента – понять, как эти препараты влияют на способность управлять летательным аппаратом.

Стандартная процедура обучения на ПРП описана в публикации Брукской военно-воздушной базы, которая носит название «Обучение на Платформе равновесия для приматов».[1] Вот ее краткое изложение.

Стадия I (адаптация к креслу): Обезьяны «удерживаются» (другими словами, привязываются) в кресле ПРП на один час в день в течение 5 дней, после чего начинают вести себя спокойно.

Стадия II (адаптация к рукоятке): Обезьяны удерживаются в кресле платформы. Затем кресло наклоняется вперед, и обезьяны получают удары электрическим током. Это заставляет обезьяну «поворачиваться в кресле или кусать платформу... Это поведение перенаправляется на одетую в перчатку руку экспериментатора, которая помещается прямо на рукоятку управления». Прикосновение к руке приводит к прекращению ударов током, а обезьяне (которую в тот день не кормили) дают изюминку. Это происходит с каждой обезьяной по 100 раз в день в течение 5-8 дней.

Стадия III (манипулирование рукояткой): На данном этапе, когда платформа наклонена вперед, одного только касания рукоятки недостаточно, чтобы прекратить удары электрическим током. Обезьяны получают электрические разряды, пока не потянут рукоятку назад. Это повторяется 100 раз в день.

Стадия IV-VI (толкание рукоятки вперед и оттягивание ее назад): На этих стадиях платформа наклоняется назад, и обезьяны получают разряды тока до тех пор, пока не начнут толкать рукоятку вперед. Затем платформа опять наклоняется вперед, и они должны снова научиться тянуть рукоятку назад. Это повторяется 100 раз в день. Потом платформа начинает беспорядочно наклоняться вперед и назад, и обезьянам снова наносят электрические удары, пока они не станут реагировать правильно.

Стадия VII (рукоятка управления в действии): До этого момента, когда обезьяны тянули рукоятку управления назад и вперед, это не влияло на положение платформы. Теперь обезьяна управляет положением платформы, толкая рукоятку. На этой стадии автоматический электрошокер не функционирует. Электрические разряды подаются вручную приблизительно каждые 3 или 4 секунды длительностью в 0,5 секунды. Это более медленная скорость, чем прежде, необходима для гарантии того, что правильное поведение не будет наказываться и, следовательно, выражаясь жаргоном руководства, не будет «гаситься». Если обезьяна перестает работать так, как от нее требуют, обучение возвращается к стадии VI. В противном случае стадия обучения VII длится до тех пор, пока обезьяна не научится удерживать платформу на почти горизонтальном уровне и не сможет избегать 80% подаваемых электроударов.

Для обучения обезьян на III-VII стадиях требуется от 10 до 12 дней.

После этого периода обучение продолжается еще 20 дней. В течение этого времени для более сильного раскачивания и вращения кресла используется генератор случайных чисел, но обезьяна должна быть столь же эффективной при возвращении кресла в горизонтальное положение – иначе она получает частые электрические удары.

Все это обучение, включающее тысячи ударов электрическим током, представляет собой всего лишь подготовку к настоящему эксперименту. Как только обезьяны начинают большую часть времени стабильно удерживать платформу в горизонтальном положении, их

облучают смертельными (или близкими к смертельным) дозами радиации либо подвергают действию химических веществ, которые используются на войне. Цель эксперимента – выяснить, как долго обезьяны при этом смогут продолжать «полет» на платформе. Например, когда они испытывают тошноту и, вероятно, страдают рвотой от смертельной дозы радиации, их заставляют удерживать платформу в горизонтальной позиции, а если им это не удастся, они получают частые удары электрическим током. А вот один пример, взятый из отчета Школы авиакосмической медицины Военно-воздушных сил Соединенных Штатов (United States Air Force School of Aerospace Medicine); его опубликовали в октябре 1987 года, после выхода на экраны фильма «Проект X».[2]

Отчет называется «Удерживание приматами равновесия при отравлении зоманом: влияние повторяющихся ежедневных отравлений низкими дозами зомана». Зоман – это другое название нервно-паралитического газа, химического оружия, которое вызывало ужасную агонию в войсках в период Первой мировой войны, но, к счастью, с тех пор очень мало использовалось в боевых действиях. Отчет начинается со ссылки на несколько предыдущих отчетов, в которых та же самая команда исследователей изучала, как «острое отравление зоманом» влияет на управление Платформой равновесия для приматов. Это же конкретное исследование посвящено действию низких доз, которые животное получает в течение нескольких дней. Обезьяны в данном эксперименте управляли платформой «по меньшей мере, раз в неделю» в течение минимум двух лет и ранее получали различные препараты и низкие дозы зомана, но за 6 недель до опыта не подвергались их воздействию.

Экспериментаторы вычисляли дозы зомана, которых было бы достаточно для того, чтобы у обезьян снизилась способность управлять платформой. Конечно, для выполнения этих вычислений обезьяны получали удары электротоком, так как теряли способность удерживать уровень платформы. Хотя отчет посвящен в основном изучению того, как отравление нервно-паралитическим веществом влияет на уровень летных качеств обезьян, он также дает некоторое понимание и других воздействий химического оружия:

“ «Субъект был полностью выведен из строя в день, следующий за последним отравлением. При этом имелись неврологические симптомы, среди которых серьезное нарушение координации, слабость и дрожание при произвольных движениях... Эти симптомы сохранялись несколько дней, в течение которых животное по-прежнему не могло пилотировать платформу».[3]

Доктор Дональд Барнс (Donald Barnes) в течение нескольких лет был заведующим лабораторией в Школе авиакосмической медицины Военно-воздушных сил США и возглавлял эксперименты с ПРП на Брукской военно-воздушной базе. По оценкам Барнса, за годы пребывания в этой должности он подверг воздействию радиации около тысячи обученных обезьян. Впоследствии он написал:

“ «В течение нескольких лет у меня накапливались сомнения по поводу полезности данных, которые мы собирали. Я сделал несколько символических попыток выяснить назначение и цель технических отчетов, которые мы публиковали, но теперь признаю свою полную готовность

принимать заверения командования в том, что мы на самом деле предоставили весомую помощь Военно-воздушным силам США, а, следовательно, и защите свободного мира. Я использовал эти заверения как шоры, чтобы отгородиться от той действительности, которую я видел в лаборатории, и хотя я не всегда носил эти шоры с комфортом, они все же служили мне для защиты от опасностей, связанных с возможной потерей статуса и дохода...

Но однажды эти шоры спали, и я обнаружил, что нахожусь в очень серьезной конфронтации с д-ром Роем Дехартом (Roy DeHart), командующим Школой авиакосмической медицины Военно-воздушных сил США. Я пытался указать на то, что вряд ли при ядерном конфликте действующие командиры будут обращаться к таблицам и цифрам, основанным на данных по макаке-резус, чтобы оценить мощность вооруженных сил или потенциал второго удара. Доктор Дехарт утверждал, что данные будут бесценными, но при этом заявил следующее: «Они не будут знать, что эти данные основаны на экспериментах на животных».[4] Барнс ушел в отставку и стал убежденным противником вивисекции; но опыты, использующие ПРП, продолжались.

«Проект X» приподнял завесу над одним из военных экспериментов. Мы сейчас рассмотрели его чуть детальнее, но потребовалось бы много времени для того чтобы описать все виды радиации и химических реагентов, в различных дозах испробованных на обезьянах с помощью Платформы равновесия для приматов. Теперь нам необходимо осознать, что это составляет лишь малую долю от общего количества военных экспериментов на животных. Беспокойство по поводу подобных опытов уходит корнями в прошлое на несколько лет до описанных событий.

В июле 1973 года член Палаты представителей от Висконсина Лес Аспин (Les Aspin) узнал из рекламного объявления в малоизвестной газете, что Военно-воздушные силы Соединенных Штатов планируют закупить для тестирования ядовитых газов 200 щенков гончих, которым для предотвращения нормального лая перевяжут голосовые связки. Вскоре после этого стало известно, что армия предполагает использовать гончих и в других аналогичных экспериментах, для которых требовалось уже 400 животных.

Аспин выступил с решительным протестом, его поддержали антививисекционные общества. Объявления были помещены в главные газеты по всей стране. Посыпались письма от взбешенной общественности. Референт Комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей Конгресса (House of Representatives Armed Services Committee) сказал, что ведомство получило больше почты по поводу гончих, чем в связи с какими-либо другими проблемами с тех пор, как Трумэн уволил генерала Макартура; в свою очередь, внутренний меморандум Министерства обороны, обнародованный Аспином, сообщал, что ведомство никогда не получало столько писем по поводу отдельно взятого события – даже по поводу бомбежек Северного Вьетнама и Камбоджи их было меньше.[5] Министерство обороны, которое поначалу защищало эти эксперименты, объявило, что оно откладывает их и рассматривает возможность замены гончих на других экспериментальных животных.

Этот инцидент запомнился как любопытный – любопытный, потому что негодование общества по поводу конкретного эксперимента подтвердило удивительное незнание характера стандартных процедур, которые проводят вооруженные силы, исследовательские учреждения, университеты и коммерческие организации самых разных типов.

Действительно, эксперименты, предложенные военной авиацией и армией, были разработаны таким образом, что многие животные страдали и умирали без какой-либо гарантии того, что эти страдания и смерть спасут хотя бы одну человеческую жизнь или вообще принесут людям хоть малейшую пользу; то же самое можно сказать о миллионах других экспериментов, которые ежегодно проводятся в одних только Соединенных Штатах.

Возможно, беспокойство возникло из-за того, что опыты должны были ставиться на гончих. Но если это так, почему не было протестов по поводу следующего эксперимента, имевшего место сравнительно недавно?

Под руководством Лаборатории медицинских биоинженерных исследований и разработок армии США в Форт-Детрике (U.S. Army Medical Bioengineering Research and Development Laboratory at Fort Detrick) во Фредерике, штат Мэриленд, исследователи кормили 60 гончих различными дозами взрывчатого вещества TNT. Собаки получали TNT в капсулах каждый день в течение 6 месяцев. У животных наблюдались такие симптомы как обезвоживание, истощение, анемия, желтуха, низкая температура тела, обесцвечивание мочи и кала, понос, потеря аппетита и похудание, увеличение печени, почек и селезенки, потеря координации. Одна самка «впала в агонию» на 14-ой неделе, и ее убили; другую нашли мертвой на 16-ой неделе. В отчете говорится, что этот эксперимент представляет собой лишь «часть» данных, которые Лаборатория Форт-Детрика намерена получить по поводу действия TNT на млекопитающих. Поскольку повреждения наблюдались даже при самых низких дозах, это исследование не смогло установить дозы TNT, при которых не было бы заметных эффектов; таким образом, составители отчета приходят к заключению, что «дополнительные исследования ... TNT на гончих собаках могут быть необходимы».[6]

Как бы там ни было, беспокоиться только по поводу собак неправильно. Люди склонны заботиться о собаках, потому что у них в целом больший опыт общения с ними как с друзьями, нежели с другими животными; но другие животные способны страдать так же, как собаки. Мало кто испытывает симпатию к крысам. И все же крысы – умные животные, и нет никаких сомнений в том, что они способны страдать и страдают при бесчисленных болезненных экспериментах, проводимых на них. Если бы армия прекратила эксперименты на собаках и вместо этого переключилась на крыс, это должно было бы нас волновать ничуть не меньше.

Некоторые из самых страшных военных опытов проводятся в месте, известном как Институт радиобиологических исследований вооруженных сил (Armed Forces Radiobiology Research Institute – AFRRI) в Бетесде, штат Мэриленд. Здесь, вместо использования Платформы равновесия для приматов, экспериментаторы привязывали животных к креслам и облучали их; либо учили их нажимать рычаги и наблюдали за тем, как радиация влияет на их работу. Обезьян также обучали бегу в приспособлении под названием «колесо активности» – нечто вроде цилиндрической беговой дорожки. Если животные не могли поддерживать движение

колеса со скоростью более 1 мили в час, они получали удары электротоком.

В одном эксперименте, в котором использовалось «колесо активности», Кэрол Франц (Carol Franz) из отдела наук о поведении в AFFRI обучала 39 обезьян в течение 9 недель по 2 часа ежедневно до тех пор, пока они не научились чередовать периоды «работы» и «отдыха» по 6 часов подряд. Затем их облучали различными дозами радиации. У обезьян, которые получали более высокие дозы, было до 7 приступов рвоты. Потом их снова сажали в «колесо активности», чтобы выяснить, как радиация влияет на их способность «работать».

На этом этапе, если обезьяна не двигала колесо в течение 1 минуты, «силу ударов током увеличивали до 10 мА» (это исключительно мощный удар, и, даже согласно абсолютно завышенным американским стандартам экспериментирования на животных, он должен причинять очень сильную боль). У некоторых обезьян продолжалась рвота и при нахождении в «колесе активности». Франц описывает, как разные дозы радиации влияли на работу. В ее отчете также говорится, что облученные обезьяны умирали через полтора-пять дней.[7]

Поскольку я не хочу посвящать всю эту главу опытам, которые проводятся вооруженными силами Соединенных Штатов, теперь я перейду к невоенным исследованиям (хотя мы между делом рассмотрим еще один или два военных эксперимента, когда они будут иметь отношение к другим темам). Одновременно я надеюсь, что налогоплательщики США, вне зависимости от того, что они думают по поводу объема военного бюджета, спросят себя: «Хочу ли я, чтобы вооруженные силы распоряжались моими налогами именно так?».

Конечно, мы не должны судить о вивисекции только на основе тех опытов, которые я только что описал. Кто-то, возможно, подумает, что вооруженные силы стали бесчувственными к страданиям, поскольку они сосредоточены на войне, смерти и ранениях. Конечно же, истинные научные исследования очень отличаются от вышеприведенных, не так ли? Разберемся. В начале нашего рассмотрения невоенных экспериментов я позволю профессору Гарри Ф. Харлоу (Harry F. Harlow) высказаться самому за себя. Профессор Харлоу, который работал в Приматологическом исследовательском центре (Primate Research Center) в Мэдисоне, штат Висконсин, в течение многих лет был редактором ведущего журнала о психологии и вплоть до самой смерти (он умер несколько лет назад) пользовался большим уважением среди коллег, проводящих исследования в области психологии. На его труды одобрительно ссылались во многих учебниках, а эти учебники читали в течение последних 20 лет миллионы студентов, изучающие вводный курс психологии. Направление исследования, которое он задал, после его смерти продолжили его коллеги и бывшие студенты.

В статье, датированной 1965 годом, Харлоу описывает свою работу следующим образом: «В течение последних 10 лет мы изучали влияние частичной социальной изоляции, выращивая обезьян с рождения в пустых проволочных клетках. Эти обезьяны были полностью разлучены с матерью. Недавно мы начали серию исследований, чтобы выявить влияние полной социальной изоляции. Для этого отбирали обезьян у матерей через несколько часов после рождения и до трех, шести и двенадцати месяцев растили в камерах из нержавеющей стали. В течение предписанного срока пребывания в этом аппарате обезьяна не имеет

контактов ни с одним животным: человеком или нижестоящим... Эти, исследования показали, что достаточно жесткая и длительная изоляция опускает животных на такой социо-эмоциональный уровень, на котором первичной ответной социальной реакцией является страх».[8]

В другой статье Харлоу и его бывший студент и коллега Стефан Суоми (Stephen Suomi) описали, как они пытались вызвать психопатологию у новорожденных обезьян, и делалось это с помощью метода, который, по-видимому, не работал. Тогда их посетил британский психиатр Джон Болби (John Bowlby). Согласно отчету Харлоу, Болби выслушал рассказ об их неудачах, а затем ознакомился с висконсинской лабораторией. После того, как он увидел обезьян, живущих поодиночке в пустых проволочных клетках, он спросил: «Зачем вы пытаетесь вызвать психопатологию у обезьян? Сейчас в вашей лаборатории больше обезьян с психопатологией, чем когда-либо свет выдывал».[9]

Кстати, Болби был ведущим исследователем, занимавшимся вопросами разлуки с матерью, но он изучал детей – главным образом, сирот, беженцев и детей в детских учреждениях. Еще в 1951 году, до того, как Харлоу начал эксперименты с нечеловекообразными приматами, Болби сделал следующий вывод:

«Были заново проанализированы факты. Благодаря им больше нет сомнений в возможности общего заключения о том, что длительное отсутствие материнской заботы может оказать тяжелое и далеко идущее воздействие на характер ребенка, а, следовательно, и на всю его последующую жизнь».[10]

Это не удержало Харлоу и его коллег от разработки и осуществления своих экспериментов на обезьянах.

В той же статье Харлоу и Суоми описывают, как у них появилась «потрясающая идея» вызывать депрессию, «позволяя детенышам обезьян привязываться к тряпичным суррогатным матерям, которые могли становиться монстрами»:

«Первым из этих монстров была тряпичная обезьяна-мать, которая по требованию либо по расписанию испускала сжатый воздух, находящийся под высоким давлением. Он практически срывал кожу животного. Что же делал детеныш? Он жался все ближе и ближе к матери, потому что испуганные детеныши всегда жмутся к матери. Мы не добились возникновения психопатии.

Но мы не сдавались. Мы сделали другую суррогатную мать, которая так сильно раскачивалась, что голова детеныша дергалась, и зубы стучали. Тем не менее, все, что младенец делал, это жался крепче к суррогатной матери. В третьем монстре имелась встроенная в тело проволочная рамка, которая выпрыгивала вперед и сбрасывала детенышей с «живота». Детеныш поднимался с пола, ждал, пока рамка вернется в тряпичное тело, и опять жался к монстру. В конце концов, мы соорудили мать-дикообраза. По команде по всей брюшной поверхности тела ее вылезали острые бронзовые иглы. И хотя эти иглы причиняли детенышам страдания, он прост ждал, пока иглы уйдут, а после этого возвращался и продолжали жаться к матери».

По мнению экспериментаторов, эти результаты не очень удивительны, потому что единственный выход для травмированного ребенка – это прижаться к своей матери.

В конце концов, Харлоу и Суоми отказались от искусственных матерей-монстров, потому что нашли кое-что получше: реальную обезьяну-мать, которая была монстром. Чтобы произвести таких матерей, они выращивали самок обезьян в изоляции, а затем пытались их оплодотворить. К сожалению, самки не имели нормальных половых контактов с самцами, поэтому их приходилось оплодотворять с помощью метода, который Харлоу и Суоми назвали «полкой для изнасилования». Когда рождались детеныши, Харлоу и Суоми начинали наблюдать за обезьянами. Они обнаружили, что некоторые из них просто игнорировали младенцев и не прижимали к груди плачущего детеныша, как это делают нормальные обезьяны, когда слышат плач своего отпрыска. Наблюдалась и другая модель поведения:

“ «Некоторые обезьяны были жестоки и даже смертельно опасны. Одной из их любимых выходок было раздавливать череп малыша зубами. Но поистине отвратительным типом поведения было разбивать лицо младенца об пол, а затем возить его по полу из стороны в сторону».[11]

В труде 1972 года Харлоу и Суоми утверждают, что, поскольку у людей депрессия характеризуется как состояние «беспомощности и безнадежности, погружение в колодец отчаяния», они разработали устройство «на основе интуиции», чтобы воспроизвести такой «колодец отчаяния» как в физическом, так и в психологическом отношении. Они построили вертикальную камеру со стенами из нержавеющей стали, которые загибались внутрь так, что образовывалось закругленное дно. В нее помещали молодую обезьяну на период до 45 дней. Ученые обнаружили, что через несколько дней после заключения обезьяна «проводила большую часть времени, сжавшись в углу камеры». Это заточение вызывало «сильное и устойчивое психопатологическое поведение депрессивного характера». Даже через 9 месяцев после освобождения обезьяны сидели, обхватив тело руками, вместо того чтобы двигаться и исследовать окружающее пространство, как это делают их нормальные сородичи. Отчет заканчивался неубедительно и зловеще:

“ «Вопрос о том, могут ли результаты быть связаны с конкретными переменными, такими как форма камеры, ее размер, продолжительность заточения, возраст на момент заключения, или же, что вероятнее, с сочетанием этих и других переменных, остается предметом для дальнейших исследований».[12]

В другом труде рассказывается, как, помимо «колодца отчаяния», Харлоу и его коллеги создали «тоннель ужаса», для «производства» запуганных обезьян,[13] а еще в одном научном докладе Харлоу описывает, как ему удалось «вызвать психологическую смерть у макак-резусов». Для этого он подсовывал им «суррогатных матерей» из махровой ткани, у которых обычно поддерживалась температура 99° по Фаренгейту (37,2 °C – прим. ред.), но они могли быстро охлаждаться до 35° по Фаренгейту (1,6 °C – прим. ред.) и таким способом имитировать своего рода материнское отвержение.[14]

Харлоу уже умер, но его ученики и поклонники распространились по всем Соединенным Штатам и продолжают выполнять подобные эксперименты. Джон П. Капитаньо (John P. Capitanio) проводил эксперименты по отлучению от матери под руководством В.А. Мейсона (W.A. Mason), одного из студентов Харлоу, в Калифорнийском приматологическом центре в Калифорнийском университете в Дэвисе (California Primate Research Center at the University of California, Davis). В этих экспериментах Капитаньо сравнивал социальное поведение обезьян, которых растила собака, с поведением обезьян, «выращенных» пластмассовой лошадьё-качалкой. Он пришел к выводу, что, «хотя у членов обеих групп имелись явные аномалии в сфере социального взаимодействия», те обезьяны, которых держали с собакой, справлялись лучше, чем те, которые содержались вместе с пластиковой игрушкой.[15]

После отъезда из Висконсина Джин Сакетт (Gene Sackett) продолжил изучать отлучение от матери в Приматологическом центре при Вашингтонском университете (University of Washington Primate Center). Он выращивал в полной изоляции макак-резус, свинохвостых макак и макак-крабоедов, чтобы изучить различие в личностном и социальном поведении. Он обнаружил различия среди разных видов обезьян, и это «ставит под вопрос общность «синдрома изоляции» среди разных видов приматов». А поскольку существуют различия даже между близкородственными видами обезьян, то распространение обобщений с обезьян на людей представляется еще более сомнительным.[16]

Мартин Рейт (Martin Reite) из Университета Колорадо проводил эксперименты по отлучению от матери на индийских и свинохвостых макаках. Он знал, что в наблюдениях Джейн Гудолл (Jane Goodall) за осиротевшими дикими шимпанзе описываются «глубокие нарушения поведения, и их основным компонентом служит печаль или депрессивные аффективные изменения». Но поскольку по сравнению с числом отчетов об исследованиях на макаках работ об экспериментальном разлучении у крупных приматов было опубликовано относительно немного, он и другие вивисекторы решили изучить семь детенышей шимпанзе, которые были оторваны от матерей сразу после рождения и выращены в специальных яслях. По прошествии 7-10 месяцев некоторых из них поместили в изоляционные камеры на пять дней. Изолированные детеныши кричали, раскачивались и бросались на стены камеры. Рейт пришел к выводу, что «у детенышей шимпанзе изоляция может сопровождаться ярко выраженными изменениями поведения», но отметил, что (как вы наверняка уже догадались) требуются дальнейшие исследования.[17]

Харлоу начал свои опыты, в рамках которых детенышей разлучали с матерями, около 30 лет назад, и с тех пор в США было проведено свыше 250 подобных экспериментов. Вивисекторы подвергли свыше 7 тысяч животных процедурам, которые вызывали душевные страдания, отчаяние, тревогу, общее психическое опустошение и смерть. Как показывают вышеприведенные цитаты, исследования сейчас продолжают ради самих себя. Рейт и его коллеги ставили опыты на шимпанзе, потому что на человекообразных обезьянах, по сравнению с мартышками, было выполнено относительно мало экспериментальных работ. Они, очевидно, не испытывали потребности задать основной вопрос: почему мы вообще должны проводить какие-то эксперименты по разлучению с матерью на животных? Они даже не пытались оправдать свои эксперименты заявлением о том, что это принесет благо людям. То, что у нас уже есть обширные наблюдения за шимпанзе в дикой природе, их не интересует. Их позиция проста: это делалось с животными одного вида, а не другого,

поэтому давайте теперь проведем это и с ними. Та же самая установка постоянно имеет место в исследованиях психологии и поведения. Больше всего в этой истории шокирует тот факт, что за все это заплатили налогоплательщики, и заплатили немало – свыше 58 миллионов долларов за одно только направление по изучению разлучения с матерью.[18] В этом плане (и не только) гражданская вивисекция мало чем отличается от опытов, проводимых военными.

Практика экспериментирования на животных в том виде, в каком она существует сегодня во всем мире, раскрывает влияние спесишизма. Многие опыты причиняют сильную боль, и при этом отсутствует даже отдаленная перспектива значительной пользы людям или другим животным. Подобные эксперименты представляют собой не отдельные случаи, а являются частью огромной индустрии. В Великобритании, где от ученых требуют сообщать о числе «научных процедур», выполненных на животных, официальные правительственные данные говорят о 3,5 миллионах подобных экспериментов в 1988 году.[19] В США нет точных цифр.

Согласно требованиям Акта о благополучии животных (Animal Welfare Act), министр сельского хозяйства публикует отчет, в котором дается количество животных, которое использовали службы, находящиеся в его реестре, но этот отчет во многих отношениях неполный. Он не включает крыс, мышей, птиц, рептилий, лягушек и домашних сельскохозяйственных животных, используемых для экспериментальных целей; он не включает животных, используемых в средних школах; он также не учитывает эксперименты, проведенные в учреждениях, которые не транспортируют животных между штатами и не получают грантов и контрактов от федерального правительства.

В 1986 году Служба технологической оценки при Конгрессе США (US Congress Office of Technology Assessment) опубликовала отчет под названием «Альтернативы использованию животных в исследованиях, тестах и образовании» («Alternatives to Animal Use in Research, Testing and Education»). Сотрудники службы сообщили, что, «по подсчетам, число животных, используемых ежегодно в Соединенных Штатах, колеблется от 10 миллионов до 100 миллионов» и пришли к выводу, что хоть подсчеты эти и ненадежны, их более или менее точная оценка – «по меньшей мере, от 17 миллионов до 22 миллионов».[20]

Но это очень скромная калькуляция. В 1966 году в заявлении перед Конгрессом Ассоциация по разведению лабораторных животных (Laboratory Animal Breeders Association) указала, что в 1965 году для экспериментальных целей было использовано около 60 миллионов мышей, крыс, морских свинок, хомяков и кроликов.[21] В 1984 году доктор Эндрю Роуэн (Andrew Rowan) из Школы ветеринарной медицины при Университете Тафтс (Tufts University School of Veterinary Medicine) подсчитал, что ежегодно в опытах используется около 71 миллиона животных. В 1985 году Роуэн пересмотрел свои подсчеты: он сделал различие между количеством разводимых животных, приобретаемых и непосредственно используемых. Это дало цифру от 25 до 35 миллионов особей, которые ежегодно вовлечены в эксперименты (эта цифра не учитывает животных, которые умирают при транспортировке или погибают от человеческих рук еще до начала эксперимента).[22] Анализ уровня цен на фондовой бирже лишь одного основного поставщика лабораторных животных – Лаборатории по разведению животных Чарльз Ривер (Charles River Breeding Laboratory) – показал, что одна только эта компания ежегодно производит 22 миллиона животных.[23]

В отчете 1988 года, который выпустило Министерство сельского хозяйства, значатся 140471 собаки, 42271 кошек, 51641 приматов, 431457 морских свинок, 331945 хомяков, 459254 кроликов и 178249 диких животных – итого 1635288 животных, использованных в экспериментах. Не забудьте, что в этом отчете не учитывались крысы и мыши, поэтому в нем подсчитано, в лучшем случае, 10% использованных особей. В отчете также говорится, что из почти 1,6 миллионов животных, использованных для экспериментальных целей, более 90000 испытывали «необлегченную боль либо страдание». Опять же, это в лучшем случае 10% от общего числа животных, испытавших необлегченную боль и страдания – а если вивисекторы меньше беспокоятся по поводу причинения боли крысам и мышам, нежели собакам, кошкам и приматам, то эта доля еще меньше. Все другие развитые страны используют огромное количество животных. В Японии, например, очень неполный обзор, напечатанный в 1988 году, дает общую цифру в более чем 8 миллионов.[24]

Один из способов понять природу вивисекции как широкомасштабную индустрию заключается в том, чтобы взглянуть на коммерческие продукты, произведенные с ее помощью, а также на способы их продажи. Среди этих «продуктов», конечно, сами животные. Мы увидели, сколько их производят в Лаборатории по разведению животных Чарльз Ривер. В журналах типа «Лабораторное животное» (Lab Animal) последние рекламируются так, будто они машины. Под фотографией двух морских свинок, одна из которых обычная, а другая совершенно бесшерстная, имеется следующая рекламная надпись: «Теперь, когда дело доходит до морских свинок, у вас есть выбор. Вы можете выбрать нашу стандартную модель, которая полностью покрыта шерстью. Или ради быстроты и эффективности попробовать новую лысую модель 1988 года выпуска. Наши лысые морские свинки – это результат многолетней селекции. Они могут использоваться в дерматологических исследованиях, когда изучаются вещества, вызывающие рост волос. Сенсбилизация кожи. Трансдермальная терапия. Исследования воздействия ультрафиолета. И многое другое».

Реклама компании Чарльз Ривер в журнале «Эндокринология» (Endocrinology), июнь 1985, задавала вопрос: «Хотите увидеть нашу работу в действии?» Когда дело доходит до операций, мы предоставляем Вам именно то, что заказал врач. Гипофизэктомия, резекции надпочечника, кастрация, удаление вилочковой железы, овариэктомия, тиреоэктомия. Мы ежемесячно выполняем тысячи удалений желез внутренней секреции у крыс, мышей и хомяков. Плюс, дополнительное специальное хирургическое вмешательство (удаление селезенки, почек, слепой кишки) по требованию... Чтобы приобрести животных, прошедших хирургическое вмешательство для удовлетворения Ваших исследовательских нужд, звоните по телефону (номер). Наши операторы доступны почти все время.

Эксперименты на животных произвели, помимо самих животных, рынок специализированного оборудования. В ведущем британском журнале «Природа» (Nature) есть рубрика под названием «Новинки рынка», и недавно читатели были проинформированы о новом оборудовании для исследований:

“ «Новейший инструмент для работы с животными, производства компании “Коламбус Инструментс” (Columbus Instruments) представляет собой

герметично закрытую беговую дорожку и предназначен для сбора данных о потребляемом кислороде во время упражнений. Это колесо имеет изолированные беговые полосы с отдельными электрошоковыми стимуляторами, которые могут быть рассчитаны для четырех крыс или мышей. Основная система стоимостью 9737 фунтов включает в себя контроль скорости движения ремня и электрошокер с контролируемым напряжением. Полностью автоматическая система стоимостью в 13487 фунтов может быть запрограммирована для проведения последовательных экспериментов, с периодами отдыха в промежутках между ними, и автоматически фиксирует количество пробегов к сетке электрошокера, продолжительность бега и время пребывания на сетке электрошокера».[25]

«Коламбус Инструментс» производит и другие хитрые приборы. В журнале «Лабораторное животное» она рекламирует следующее изобретение:

“ «Измеритель конвульсий от “Коламбус Инструментс” дает возможность произвести объективные и количественные измерения конвульсий у животных. Сенсорный датчик, установленный на платформе загрузки, переводит вертикальные компоненты силы конвульсий в пропорциональные электрические сигналы. Пользователь должен наблюдать поведение животного и, когда заметит конвульсию, активизировать измеритель, используя переключатель. В конце эксперимента будет получена общая сила и общее время конвульсий».

Кроме того, существует «Полный каталог крыс» (The Whole Rat Catalog). Его издала компания «Харвард Биосайнс» (Harvard Bioscience), и он состоит из 140 страниц, на которых рассказывается об оборудовании для проведения экспериментов на маленьких животных. Описание ведется на милом рекламном жаргоне. Например, вот что каталог рассказывает нам о прозрачных пластиковых фиксаторах для кроликов: «Единственное, что ерзает, это нос!» Впрочем, иногда проявляется некоторая чувствительность к противоречивой сущности вопроса: описание контейнера для переноски грызунов предлагает следующее:

“ «Используйте этот контейнер для переноски Вашего любимца с одного места на другое, не привлекая внимания». Помимо обычных клеток, электродов, хирургических инструментов и шприцов, каталог рекламирует фиксирующие конусы для грызунов, гарвардские системы шарнирных привязей, защитные перчатки, устойчивые к радиации, высокочастотное телеметрическое оборудование для имплантации, жидкое питание для мышей и крыс для исследований действия алкоголя, устройства для обезглавливания больших и маленьких животных и даже утилизатор грызунов, который «быстро превратит останки маленького животного в однородную суспензию».[26]

По-видимому, корпорации не утруждали бы себя производством и рекламой такого оборудования, если бы не ожидали значительных продаж. И эти предметы никто бы не

покупал, если бы их не использовали.

Из десятков миллионов выполняемых экспериментов лишь несколько, возможно, вносят вклад в важные медицинские исследования. Огромное количество животных используется на университетских факультетах, вроде лесного хозяйства и психологии; гораздо больше используется в коммерческих целях, для тестирования новой косметики, шампуней, пищевых красителей и других маловажных вещей. Все это происходит только из-за нашего предубеждения против того чтобы серьезно относиться к страданиям существа, не являющегося представителем нашего биологического вида. Обычно защитники вивисекции не отрицают того, что животные страдают. Они не могут этого делать, потому что им нужно подчеркивать сходства между людьми и другими существами, иначе какая польза от этих экспериментов! Ученый, заставляющий крысу сделать выбор между голоданием и электроударом, чтобы посмотреть, образуются ли у нее язвы (они образуются), делает это, потому что нервная система крысы очень похожа на нервную систему человека, и, предположительно, она так же чувствует удар электрическим током.

Уже долгое время существует движение, выступающее против вивисекции. Его протесты привели к небольшим победам, потому что экспериментаторы при поддержке коммерческих фирм, которые получают прибыль, благодаря поставкам лабораторных животных и оборудования, смогли убедить законодателей, что оппозиция состоит из необразованных фанатиков, считающих интересы животных важнее интересов людей. Но чтобы быть против того, что происходит сейчас, необязательно настаивать на срочном прекращении всех исследований. Все, что нам нужно сказать – это что эксперименты, которые не преследуют никаких прямых и срочных целей, должны быть остановлены немедленно, а в оставшихся областях исследований нам следует, где это только возможно, стремиться заменить эксперименты на животных альтернативными методами.

Чтобы понять, почему этот, на первый взгляд, скромный шаг настолько важен, нам надо больше узнать об экспериментах, которые выполняются сейчас и выполнялись уже в течение века. Тогда мы сможем правильно оценить заявления сторонников вивисекции о том, что эксперименты на животных делаются только для важных целей. Поэтому на последующих страницах описываются некоторые эксперименты на животных. Читать об этих опытах неприятно; но мы обязаны узнать о том, что делается в нашем обществе, особенно с учетом того, что большая часть этих исследований оплачивается из наших налоговых отчислений. Если животным приходится все это переносить, мы как минимум можем ознакомиться с информацией об этом. Поэтому я не пытался смягчить данные о процедурах, которым подвергаются животные, и в то же время не пытался преувеличить их.

Все нижеследующие факты взяты из отчетов, которые были написаны самими экспериментаторами или позаимствованы из журналов, в которых ученые обмениваются друг с другом опытом.

Такие отчеты неизбежно правдивее, чем сообщения стороннего наблюдателя. На это есть две причины. Одна из них заключается в том, что вивисекторы не станут подчеркивать причиненные ими страдания, за исключением случаев, когда это необходимо для сообщения результатов эксперимента, что бывает редко. Поэтому о большей части страданий ничего не

говорится. Вивисекторы, возможно, не считают необходимым включать в свои доклады какие-либо упоминания о том, что происходит, когда электрошоковые устройства остаются включенными в то время, когда их нужно выключить, когда животные приходят в сознание в середине операции из-за неправильно проведенного обезболивания или когда в выходные заболевают и умирают животные, за которыми никто не ухаживает.

Вторая причина, по которой научные журналы являются источником, устраивающим ученых, является то, что они включают только те эксперименты, которые вивисекторы и редакторы журналов считают важными. Комиссия Британского правительства выяснила, что лишь четверть опытов на животных когда-либо находит путь к печати.[27] Нет оснований верить, что в США публикуется больше отчетов об экспериментах; поскольку в Соединенных Штатах гораздо больше, чем в Великобритании, второстепенных университетов с менее талантливыми исследователями, кажется вероятным, что еще меньший процент экспериментов дает результаты, имеющие вообще какое бы то ни было значение.

Поэтому, читая последующие страницы, имейте в виду, что они взяты из уважаемых самими вивисекторами источников; и если результаты этих экспериментов не кажутся настолько важными, чтобы с их помощью можно было оправдать страдания, причиненные живым существам, учтите, что все эти примеры принадлежат к той малой доле опытов, которую редакторы сочли достойной публикации. И последнее предупреждение. Доклады, напечатанные в журналах, всегда появляются с фамилиями экспериментаторов. В основном я сохранил эти имена, потому что не вижу оснований защищать этих людей завесой анонимности. Тем не менее, не следует предполагать, что названные личности особенно злы и жестоки. Они делают то, чему их научили, они делают то, что делают тысячи их коллег. Приводимые мной данные призваны продемонстрировать не садизм некоторых конкретных ученых, а узаконенную ментальность спесишизма, из-за которого вивисекторы позволяют себе подобные вещи и не оглядываются на интересы используемых ими животных.

Многие из самых болезненных опытов проводятся в области психологии. Чтобы представить себе количество животных, с которыми экспериментировали в лабораториях психологи, примите во внимание, что в 1986 году Национальный институт душевного здоровья (National Institute of Mental Health) профинансировал 350 экспериментов на животных. Национальный институт душевного здоровья – это всего лишь один источник федерального финансирования психологических экспериментов. Учреждение потратило свыше 11 миллионов долларов на опыты, включавшие в себя непосредственные манипуляции с мозгом, свыше 5 миллионов – на эксперименты, изучавшие влияние лекарств на поведение, и свыше 2 миллионов – на исследования, включающие лишение сна, причинения стресса, страха и беспокойства. Эта ведомство за один год израсходовало на вивисекцию более 30 миллионов долларов.[28]

Один из наиболее распространенных способов экспериментирования на животных в психологии заключается в нанесении им ударов электрическим током. Это может делаться с целью узнать, как животные реагируют на разные виды наказания, или чтобы научить их выполнять различные задания. В первом издании книги я описывал эксперименты, проведенные в конце 60-х – начале 70-х годов. Вивисекторы наносили животным удары

электротоком. Вот лишь один пример из того периода.

О.С. Рэй (O.S. Ray) и Р.Дж. Барретт (R.J. Barrett), работавшие в отделе психологических исследований, в Правительственном госпитале для ветеранов (Veterans Administration Hospital) в Питтсбурге, штат Пенсильвания, наносили удары электротоком 1042 мышам. Потом они вызывали конвульсии, для чего наносили более сильные удары с помощью электродов чашевидной формы, которые прикладывались к глазам животных, а также с помощью зажимов на ушах. Они сообщили, что, к сожалению, некоторые мыши, которые «успешно прошли тренировку в первый день, оказались больными или мертвыми до начала тренировки на второй».[29]

Сейчас, по прошествии почти 20 лет, когда я пишу второе издание книги, экспериментаторы все еще придумывают варианты одних и тех же опытов с небольшими изменениями. В.А. Хиллекс (W.A. Hillex) и М.Р. Денни (M.R. Denny) из Калифорнийского университета в Сан-Диего поместили крыс в лабиринт и наносили им электрические удары в случае, если после одного неправильного выбора они в ходе следующего испытания не находили решение за три секунды. Они пришли к выводу, что «результаты явно сходны с итогами ранней работы по запоминанию и забыванию у крыс, в рамках которого животных обычно били током в начале лабиринта, когда они как раз делали выбор» (иными словами, крыс били током на том участке лабиринта, где они должны были выбирать, а не до этого места; в этом заключалась новая особенность эксперимента, и она не вносила большой разницы). Далее вивисекторы ссылаются на опыты, проведенные в 1933-ом, 1935-ом и в другие годы, вплоть до 1985-го.[30]

Следующий эксперимент – это всего лишь попытка показать, что результаты, имеющие место у людей, применимы и к мышам. Курт Спенис (Curt Spanis) и Ларри Сквайр (Larry Squire) из Калифорнийского Университета в Сан-Диего в одном эксперименте использовали два вида разрядов, чтобы посмотреть, как «электроконвульсионный удар» влияет на память у мышей. Животных поместили в светлый отсек камеры с двумя отделениями, другая часть была темной. Когда мыши переходили из светлого отсека в темный, они получали по лапам удары током. После «обучения» мыши получали «обработку электроконвульсионными ударами», которая... производилась 4 раза с часовым интервалом... и каждый раз случались припадки». Электроконвульсионные удары вызывали ретроградную амнезию, которая длилась, по меньшей мере, 28 дней. Спенис и Сквайр пришли к выводу, что ситуация обстояла таким образом из-за того, что мыши забывали избегать перехода в темный отсек и поэтому получали удары током. Ученые отметили, что их открытия «совпадают» с открытиями, которые Сквайр уже сделал в ходе исследования, проводившегося на пациентах с психическими расстройствами. Они признали, что результаты эксперимента «не могут с уверенностью поддерживать или отрицать» идею о потере памяти вследствие «большого разброса результатов в различных группах». Тем не менее, они заявляют: «Эти данные проводят параллель между экспериментальной амнезией у лабораторных животных и амнезией у людей».[31] В подобном эксперименте Дж. Пэйтел (J. Patel) и Б. Миглер (B. Migler), работавшие в компании ICI Americas, Inc. в Уилмингтоне, штат Делавэр, учили беличьих обезьян нажимать на рычаг для получения пищевых таблеток. Затем обезьянам на шею одели металлические ошейники, через которые подавались удары всякий раз, когда они получали пищу. Они могли избежать ударов, только если ждали три часа, прежде чем

пытались получить пищу. Чтобы таким способом научить обезьян избегать ударов, потребовалось 8 недель учебных занятий по 6 часов в день. Так предполагалось вызвать «конфликтную» ситуацию, а обезьянам после этого давали разные наркотики, чтобы проверить, будут ли они получать больше ударов под их действием. Экспериментаторы сообщили, что они также адаптировали этот тест для крыс, и что он был бы «полезен для выявления возможных веществ, снижающих тревогу».[32]

Эксперименты по созданию условий проводятся более 85 лет. Доклад, написанный в 1982 году нью-йоркской организацией Объединенные действия в защиту животных (United Action for Animals), говорит о 1425 трудах по «классическим экспериментам по созданию условий» подопытных. По иронии судьбы, бессмысленность многих из этих исследований беспощадно раскрыта в документе, который опубликовала группа вивисекторов в Университете Висконсина. Сьюзан Минека (Susan Mineka) и ее коллеги подвергали 140 крыс ударам, которых можно было бы избежать, а также таким ударам, которых избежать было нельзя. Это делалось для сравнения уровня страха, порождаемого разными ударами. Вот сформулированное обоснование их работы:

“ «За последние 15 лет огромное количество исследований было направлено на то чтобы понять разницу в поведении и физиологические эффекты, которые возникают от соприкосновения с контролируруемыми элементами в противовес неконтролируемым. Вывод заключается в том, что неконтролируемые неприятные события представляют больший стресс для организма, чем контролируемые».

После того, как вивисекторы подвергали крыс ударам, иногда давая возможность их избежать, они не смогли определить, какие механизмы можно считать правильными при трактовке результатов. Тем не менее, они заявили, что считают результаты важными: «В них поднимается вопрос о том, насколько аргументированы выводы, сделанные по итогам сотен экспериментов, которые были проведены за последние 15 лет или около того».[33] Иными словами, 15 лет, в течение которых животным наносились электрические удары, возможно, не дали правильных результатов. Но в причудливом мире психологических экспериментов на животных это открытие служит оправданием для еще большего количества опытов, в рамках которых еще большее число животных будет получать неминуемые удары электротоком, чтобы, наконец, явить вивисекторам «аргументированные результаты». И не забудьте, что эти «аргументированные результаты» будут относиться только к поведению плененных животных, которые подвергаются таким ударам электротока, от которых невозможно спастись.

Не менее печальна история экспериментов по созданию так называемой «выученной беспомощности». Предполагается, что она представляет собой модель депрессии у людей. В 1953 году Р. Соломин (R. Solomin), Л. Камин (L. Kamin) и Л. Винн (L. Wynne), ученые из Гарвардского университета, поместили 15 собак в устройство под названием «челночный бокс», которое состоит из ящика, разделенного на два отделения с барьером между ними. Изначально этот барьер был установлен на высоте спины собаки. Через решетчатый пол собаки получали по лапам сотни интенсивных ударов током. Поначалу они могли избежать

ударов, если перепрыгивали через барьер в другое отделение. Стремясь «отбить охоту к прыжкам», вивисекторы заставили собак прыгать сто раз на решетчатый пол в другое отделение, и там тоже наносился удар по лапам. Они писали, что когда собака прыгала, она издавала пронзительное упреждающее тьяканье, превращающееся в визг в момент, когда она опускалась на электрическую решетку». Потом они заблокировали проход между отделениями куском зеркального стекла и снова подвергли собак испытанию. Одна «прыгнули вперед и разбила голову о стекло». У животных начали появляться такие симптомы как «непроизвольная дефекация, мочеиспускание, дрожь, вопли; они бросались на аппаратуру и так далее; но по прошествии 10-12 дней эксперимента собаки, которым не давали возможности спастись от удара, перестали сопротивляться. Сами экспериментаторы сообщили, что очень «впечатлены» этим, и сделали вывод о том, что сочетание стеклянного барьера и удара по лапам «крайне эффективно» заставляет собак не прыгать.[34]

Это исследование показало, что если повторно наносить сильные и неотвратимые удары, то можно вызвать состояние беспомощности и отчаяния. Такие исследования «выученной беспомощности» получили дальнейшее усовершенствование в 1960-е годы. Одним из заметных вивисекторов был Мартин Селигман (Martin Seligman) из Университета Пенсильвании. Он настолько интенсивно и настойчиво ударял собак током через стальной решетчатый пол, что животные бросили все попытки спастись и «научились» беспомощности.

В одной работе, написанной совместно с коллегами Стивенем Мейером (Steven Maier) и Джеймсом Джиром (James Geer), Селигман описывает свою работу следующим образом: «Когда нормальная, наивная собака проходит в челночном боксе тренинг по спасению/избеганию ударов, у нее обычно наблюдается следующее поведение: когда поступают первые удары, она неистово бежит вокруг, испражняется, мочится и воеет, пока не перелезет через барьер и, таким образом, спасется от ударов. Во время следующего эксперимента собака, бегая и воя, преодолевает барьер быстрее и так далее, пока не начнет наблюдаться эффективное избегание».

Селигман изменил эту модель: он стал запрягать собак в упряжь и наносил им удары, от которых они никак не могли спастись. Когда же животные оказались в первоначальных условиях (какие были в челночном ящике), при которых была возможность спастись, он выяснил следующее:

“ «Такая собака поначалу реагирует на удары в челночном боксе так же, как и наивная собака. Но вскоре перестает бегать и молчит до конца ударов, что представляет собой впечатляющий контраст с наивной собакой. Собака не преодолевает барьер и не спасается от ударов. Она скорее «сдается» и пассивно «принимает» их. При последующих экспериментах животное по-прежнему не делает движений, которые могли бы его спасти, и, таким образом, во время каждого испытания в течение 50 секунд чувствует сильный, пульсирующий удар. Собака, которая ранее подвергалась неизбежным ударам, может «принимать» неограниченное количество ударов, не пытаясь спастись или избежать их».[35]

В 1980-е годы психологи продолжили проводить эксперименты на «выученную беспомощность». Филипп Берш (Philipp Bersh) и три других вивисектора из Университета Темпл (Temple University), штат Филадельфия, учили крыс распознавать огонек, предупреждающий их об ударе, который должен был быть нанесен в течение 5 секунд. Если крысы понимали предупреждение, они могли избежать удара, для этого надо было перебежать в безопасный отсек. После того как крысы обучились такому поведению, безопасный отсек закрыли и подвергали их продолжительным сериям неизбежных ударов. Вполне закономерно, что, даже когда появилась возможность спастись, крысы не смогли быстро восстановить поведение, продиктованное инстинктом самосохранения».[36]

Берш и его коллеги также подвергли 372 крысы эксперименту с отталкивающими ударами, чтобы попытаться определить связь между условным рефлексом Павлова и выученной беспомощностью. Они сообщили, что «значение этих открытий для теории выученной беспомощности не очень ясно» и что «остается большое количество вопросов».[37]

Г. Браун (G. Brown), П. Смит (P. Smith) и Р. Питерс (R. Peters) из Университета Теннесси в Мартине преодолели множество затруднений при создании специального челночного бокса для золотых рыбок, возможно, для того, чтобы посмотреть, действует ли теория Селигмана в воде. Они подвергли 45 рыб 65 ударам и пришли к выводу, что «данные этого исследования не поддерживают в большой мере теорию Селигмана о том, что беспомощность является выученной».[38]

Эти эксперименты причинили острую длительную боль многим животным. Сначала это делалось для того, чтобы доказать теорию, потом – чтобы развенчать ее, и, наконец, чтобы доказать измененные версии изначальной теории. Стивен Майер, который вместе с Селигманом и Джиром был автором ранее процитированного доклада о вызывании выученной беспомощности у собак, построил карьеру на увековечивании избранной им темы исследования. Все же в недавней обзорной статье Майеру пришлось сказать о пригодности этой «животной модели депрессии» следующее:

«Можно заявить, что для осмысления сравнения недостает согласованности в характерных чертах, нейробиологии, возникновении и предотвращении/излечении... Таким образом, кажется маловероятным тот факт, что выученная беспомощность служит моделью депрессии в широком смысле слова».[39]

Майер пытается спасти хоть что-нибудь от этого пугающего заключения и говорит, что выученная беспомощность может служить моделью не депрессии, а «стресса и его преодоления», но признает, что более 30 лет экспериментов на животных оказались пустой тратой времени и денег налогоплательщиков, не говоря уже о количестве острой физической боли, вызванной ими.

В первом издании этой книги я сообщал об эксперименте, который провели П. Бейдиа (P. Badia) с двумя коллегами в Государственном Университете Боулинг Грин (Bowling Green State University) в штате Огайо, результаты которого опубликовали в 1973 году. В нем 10 крыс испытывались в ходе занятий продолжительностью по 6 часов. Во время этих занятий им наносились «частые электрические удары, которые все время были неотвратимыми и

неизбежными». Крысы могли нажать на любой из двух рычагов в тестовой камере, чтобы получить предупреждение о предстоящем ударе. Вивисекторы пришли к выводу, что крысы предпочитали быть предупрежденными об ударе.[40] В 1984 году все еще проводился тот же самый эксперимент. Кто-то предположил, что предыдущее исследование было «неправильно с методологической точки зрения». На этот раз П. Бейдиа (P. Badia) вместе с Б. Абботтом (B. Abbott) из Университета Индианы поместили 10 крыс в электризованные камеры и опять проводили с ними 6-часовые занятия, сопровождающиеся электрическими ударами. Шесть крыс получали неотвратимые удары с интервалом в одну минуту, иногда им предшествовали предупреждения. Потом им разрешили нажимать на один из двух рычагов, чтобы либо получать удары с предупреждающим сигналом, либо получать удары без такого сигнала. Оставшиеся 4 крысы использовались в другом варианте опыта – они получали сигналы с двух- и четырехминутным интервалом. Вивисекторы снова выяснили, что крысы предпочитали удары с предупреждением, даже если это приводит к большему числу ударов.[41]

Удары электрическим током также используются, чтобы вызвать у животных агрессивное поведение. В одном из исследований, проведенном в Университете Айовы, Ричард Викен (Richard Viken) и Джон Кнатсон (John Knutson) поделили на группы 160 крыс и «обучали» их в клетке из нержавеющей стали с электрифицированным полом. Пары крыс получали электрические удары до тех пор, пока не научились драться – либо нападать друг на друга в вертикальной стойке, либо кусать друг друга. В среднем потребовалось тридцать обучающих испытаний, прежде чем крысы научились делать это сразу после первого удара. Потом исследователи поместили крыс, натренированных на ударах, в клетки с необученными крысами и наблюдали за их поведением. Через день всех крыс убили, сбрили их шерсть и изучили раны. Ученые пришли к выводу, что «результаты не помогли понять нападающий либо оборонительный характер реакции, которая возникала в ответ на удары».[42]

В Университете Кенъон (Kenyon College), штат Айова, Дж. Вильямс (J. Williams) и Д. Лайерл (D. Lierle) провели серию из трех экспериментов, чтобы выявить, как управление стрессом влияет на оборонительное поведение. Первый эксперимент основывался на предположении, что неконтролируемые удары усиливают страх. Шестнадцать крыс были помещены в трубки из органического стекла, и им на хвосты подавали неизбежные удары электротоком. Затем их помещали в качестве чужаков в уже сложившуюся колонию крыс, где фиксировались их взаимоотношения с другими. Во втором эксперименте 24 крысы во время обучения могли контролировать удары. В третьем эксперименте 32 крысы подвергались и таким ударам, которых невозможно было избежать, и таким, которые можно было контролировать. Вивисекторы сделали следующий вывод: «Эти открытия и наши теоретические формулировки подчеркивают взаимосвязь между управляемостью ударов, возможностью предсказать их окончание, условными признаками стресса, страха и оборонительного поведения, но для того чтобы изучить точную природу этих взаимосвязей, требуются дальнейшие исследования».[43] В этом отчете, опубликованном в 1986 году, упоминается более ранняя экспериментальная работа в данной сфере, проведенная в 1948 году.

В Университете Канзаса отдел, который называет себя Комитетом по исследованию детей (Bureau of Child Research), наносит удары электротоком разным видам животных. В одном из

экспериментов шетлендским пони не давали воды до тех пор, пока они не начали испытывать жажду, а потом они получили емкость с водой, которую можно было электрифицировать. По обе стороны голов пони помещались громкоговорители. Когда шум шел из левого громкоговорителя, резервуар электрифицировался, и пони при питье получали удары током. Они усвоили, что надо прекращать пить, если шум идет из левого громкоговорителя, но не из правого. Потом громкоговорители были пододвинуты ближе друг к другу, так что пони больше не могли различать их и, таким образом, избегать ударов.

Исследователи указали на аналогичные эксперименты с белыми крысами, кенгуровыми крысами, древесными крысами, ежами, собаками, кошками, обезьянами, опоссумами, тюленями, дельфинами и слонами и пришли к выводу, что, по сравнению с другими животными, пони с трудом определяют направление звука.[44]

Непонятно, какую пользу это исследование принесет детям. В целом во всех вышеприведенных примерах экспериментов больше всего беспокоит то, что, невзирая на страдания животных, полученные результаты незначительны, очевидны или бессмысленны, это признают даже сами вивисекторы. Выводы из выше процитированных экспериментов ясно показывают, что ученые вложили много сил в то, чтобы рассказать нам на научном жаргоне то, что все мы и так знаем, то, что мы могли бы выяснить менее болезненными способами, если бы немного подумали. А ведь эти эксперименты предположительно важнее тех, которые не были опубликованы.

Мы рассмотрели только небольшое количество психологических экспериментов, которые включают удары электротоком. Вот что говорится в докладе, который был подготовлен Службой технологической оценки: «Обзор 608 статей, появившихся в журналах Американской Психологической Ассоциации (American Psychological Association) с 1978-го по 1983 годы включительно, в которых обычно публикуют результаты экспериментов на животных, показал, что в 10% исследований использовались удары электрическим током».[45]

Многие другие журналы, не связанные с Американской психологической ассоциацией, также публикуют сообщения об экспериментах на животных, в которых использовался электрический ток; и мы не должны забывать об исследованиях, результаты которых вообще нигде не публикуются. И это только одна разновидность исследований, причиняющих животным боль и страдания. Мы уже ознакомились с деталями опытов, в которых детенышей отрывали от матерей, но потребовалось бы несколько книг, чтобы кратко описать другие психологические эксперименты, исследующих такие аспекты, как ненормальное поведение, животные модели шизофрении, движения, поддержание тела, познавательные способности, общение, отношения между хищником и жертвой, мотивация и эмоции, ощущения и восприятие, лишение сна, пищи и воды. Мы рассмотрели всего лишь несколько из десятков тысяч экспериментов, которые ежегодно проводятся в области психологии, но этого должно быть достаточно для понимания того, что очень многие из проводящихся до сих пор опытов причиняют животным огромную боль и не предлагают перспектив для получения действительно важных новых знаний. К сожалению, для психологов и других вивисекторов животные стали просто инструментами. Лаборатория может принимать во внимание стоимость этих «инструментов», но жестокость к ним

становится очевидной не только при самом проведении экспериментов, но и при их описании в докладах. Взглянем, к примеру, на упоминание Харлоу и Суоми об их «полке для изнасилования» и на шуточный тон, с которым они рассказывают о «любимых трюках» самок обезьян, родивших детенышей в результате ее использования.

Рассказывать об отлучении стало проще благодаря использованию технического жаргона, который маскирует подлинный характер происходящего. Психологи под влиянием бихевиористской доктрины, согласно которой упоминать нужно только наблюдаемое, придумали немалый набор терминов, которые относятся к боли, не упоминая о ней напрямую. Элис Хейм (Alice Heim), одна из немногих психологов, которая выступила против бессмысленных экспериментов на животных, проводимых ее коллегами, описывает это так:

“ «Работа по наблюдению за поведением животных всегда выражается в научной, корректно звучащей терминологии, которая дает возможность продолжать обучение нормальных, без садистских наклонностей, студентов-психологов и не пробуждать в них беспокойства. Итак, то, что на самом деле является пыткой жаждой, голодом или электроударами, называется приемом «угасание». «Частичное подкрепление» – это термин, которым обозначают беспокойство животного, возникающее из-за того, что экспериментатор лишь частично оправдал ожидания, которые появились у животного в ходе предыдущей тренировки.

Определение «отрицательный стимул» используется, когда животное подвергают стимулам, которых оно, по возможности, избегает. Термин «избегание» подходит, потому что это наблюдаемая деятельность. Термины «болезненный» или «пугающий» для стимулов меньше подходят из-за своей антропоморфности: они предполагают, что животное имеет чувства, которые могут иметь сходство с человеческими. Это недопустимо, потому что не вписывается в концепцию бихевиоризма и ненаучно (а также потому, что может удержать более молодого и менее черствого исследователя от выполнения определенных изобретательных экспериментов, допусти он небольшую игру воображения). Самый страшный грех для экспериментатора-психолога, работающего в области «поведения животных», – это антропоморфизм. Тем не менее, если бы он не верил в аналогию между человеком и более низкими животными, то даже он, по-видимому, счел бы свою работу в значительной мере неоправданной».[46]

Мы можем видеть тип жаргона, о котором Хейм говорит в процитированном мною докладе об экспериментах. Обратите внимание, что даже когда Селигман чувствует себя вынужденным сказать «отказались» от попыток спастись от ударов, он считает нужным поставить термин в кавычки, тем самым как бы подчеркивая, что он не приписывает собаке никаких умственных процессов. Тем не менее, логическое следствие такого взгляда на «научный метод» заключается в том, что эксперименты на животных не могут научить нас ничему, что было бы применимо к людям. Как ни странно, некоторые психологи настолько озабочены тем чтобы избежать антропоморфизма, что признали этот вывод. Такое

отношение иллюстрируется следующим автобиографическим утверждением, которое появилось в журнале «Новый ученый» (New Scientist):

“ «Когда 15 лет назад я проходил курс по психологии для получения ученой степени, экзаменатор со стальными глазами, сам психолог, задал мне прямой вопрос о моих мотивах и спросил меня, что такое, на мой взгляд, психология и ее основная сфера изучения. Я был наивным простаком и ответил, что это изучение сознания, и что предметом изучения в ней служат люди. Экзаменатор издал радостный крик из-за того, что смог так успешно меня поймать, и заявил, что психологи не интересуются сознанием, что главным объектом изучения служат не люди, и крысы, и настоятельно посоветовал мне пойти на отделение философии, расположенное рядом...»[47]

Возможно, мало кто из психологов может с гордостью заявить, что их работа не имеет ничего общего с человеческим сознанием. Но многие из экспериментов на крысах можно объяснить только предположением, что исследователи действительно интересуются поведением крыс исключительно ради себя, не имея намерения узнать что-либо о людях. Как в этом случае можно оправдать причинение такого большого количества страданий? Ясно, что это делается не ради блага крыс.

Итак, в психологии основная проблема для исследователя стоит особенно остро: либо, если животные не похожи на нас, зачем ставить на них эксперименты, либо, если животное похоже на нас, мы не должны проводить на них опыты, которые выглядели бы варварством при проведении на человеке.

Другая большая сфера вивисекции включает ежегодное отравление миллионов животных. Часто и это делается по несущественным причинам. В 1988 году в Британии на животных для тестирования лекарств и других материалов было проведено 588997 научных процедур, из них 281358 не имели отношения к проверке медицинских либо ветеринарных товаров.[48]

Точные цифры по США недоступны, но если они соотносятся с британскими, то количество животных, использованных для тестирования продукции, составило бы, по меньшей мере, 3 миллиона. На самом деле, эту цифру можно умножить на 2 или 3, потому что в США в этой сфере производится очень много исследований и появляется разработок, а Администрация по пищевым продуктам и лекарственным средствам (Food and Drug Administration) требует обширной проверки новых веществ, прежде чем те могут быть выкинуты на рынок. Можно подумать, что требование тестировать на животных лекарства, вероятно, способные спасти жизнь, оправдано, но те же самые тесты используются для продукции вроде косметики, пищевых красителей и лака для пола. Должны ли тысячи животных страдать для того, чтобы на рынке появился новый вид помады или новая мастика? Разве у нас уже нет подобных товаров в избытке? Кто выигрывает от их появления, помимо компаний, которые надеются получить прибыль с их продажи?

В сущности, даже если проверке подвергается медицинский продукт, он, скорее всего, никак не улучшит наше здоровье. Ученые, работающие в Британском Министерстве Здравоохранения и Социальной безопасности (British Department of Health and Social Security), изучили лекарства, появившиеся на рынке с 1971-го по 1981 годы. Они выяснили, что новые препараты

“ «большой частью внедряются в те области терапии, где их количество и так уже значительно превышает требуемое... и они предназначены для лечения распространенных, в значительной степени хронических заболеваний, возникающих, главным образом, в западном обществе, страдающем от избытка. Таким образом, нововведения направлены в большей степени на получение коммерческой прибыли, а не на удовлетворение терапевтических нужд».[49]

Чтобы понять, что подразумевается под внедрением всех этих новых продуктов, необходимо кое-что узнать о стандартных методах тестирования. Дабы определить токсичность вещества, выполняются «тесты на острую оральную токсичность». При проведении этих тестов, разработанных в 1920-е годы, животных заставляют глотать различные вещества, в том числе несъедобные предметы вроде губной помады и бумаги. Часто подопытные отказываются есть вещество при простом добавлении его в пищу, поэтому вивисекторы либо кормят их силой, либо вставляют им в горло трубку. Стандартные тесты проводятся в течение 14 дней, но некоторые могут длиться до 6 месяцев – если животное выживает в течение этого срока. В течение этого времени у животных часто наблюдаются классические симптомы отравления, в том числе рвота, понос, паралич, конвульсии и внутренние кровотечения.

Самый известный тест на острую токсичность – это ЛД-50. ЛД-50 обозначает «летальная доза 50 процентов», количество вещества, которое убьет половину животных, участвующих в исследовании. Чтобы выявить размер такой дозы, отравляют несколько групп животных. Обычно до того момента, как умрет половина из них, животные бывают очень больны и испытывают явные страдания. Когда речь идет об относительно безвредных веществах, все же считается правильным выявить концентрацию, при которой умирает половина животных; в результате, им приходится принудительно скармливать огромные количества субстанции, и смерть у них может наступить всего лишь из-за большого объема или высокой концентрации. Это не имеет никакого отношения к обстоятельствам, при которых люди будут употреблять этот продукт. Поскольку суть эксперимента состоит в том, чтобы измерить количество вещества, способного убить половину животных, страдания умирающих никак не облегчаются. Причина состоит в боязни получить неточный результат.

Служба технологической оценки при Конгрессе США подсчитала, что ежегодно в стране для токсикологических тестов используются «несколько миллионов» животных. Более точные подсчеты по поводу теста ЛД-50 отсутствуют.[50]

Косметика и другие вещества тестируются на глазах животных. Тест Драйза на вызывание глазного раздражения впервые начал применяться в 1940-е годы, когда Дж.Х. Драйз (J.H.

Draize), работавший в Администрации по пищевым продуктам и лекарственным средствам, разработал шкалу, с помощью которой можно было оценить раздражающее действие вещества при соприкосновении с глазом кролика. Процедура такова. Обычно животных помещают в удерживающие устройства, из которых высовывается только голова. Это не дает им почесать или вытереть глаз. Потом тестируемое вещество (например, отбеливатель, шампунь или чернила) наносится каждому кролику на один глаз. Это делается следующим способом: животному оттягивают нижнее веко и «закладывают» вещество в образовавшуюся «чашечку». Потом глаз держится закрытым. Нанесение иногда повторяют. За кроликами наблюдают ежедневно на предмет воспаления глаза, изъязвления, появления инфекции или кровотечения. Наблюдения могут длиться до трех недель. Один исследователь, работавший в большой химической компании, описал самую острую реакцию следующим образом:

“ «Полная потеря зрения из-за серьезного внутреннего повреждения роговицы или внутренней структуры. Животное упорно держит глаз закрытым. Может визжать, царапать глаз лапами, прыгать и пытаться убежать».[51]

Как уже упоминалось, при нахождении в удерживающем устройстве животные не могут ни почесать глаз, ни спастись. Некоторые вещества вызывают такие серьезные повреждения, что глаз кролика теряет все отличительные характеристики – радужная оболочка, зрачок и роговица начинают напоминать одно большое заражение. Вивисекторы не обязаны использовать анестезию, но иногда они применяют небольшое количество местного обезболивающего при нанесении вещества, если это не мешает тесту. Это никак не облегчает боль, которая может появиться после того, как в течение двух недель в глазу находилось средство для чистки плиты. Цифры Министерства сельского хозяйства США (US Department of Agriculture) показывают, что в 1983 году лаборатории, занимавшиеся токсикологическим тестированием, использовали 55785 кроликов, а химические компании – еще 22034. Можно предположить, что во многих случаях при этом использовался тест Драйза, хотя точных цифр на этот счет нет.[52]

Для оценки токсичности многих веществ животных подвергают и другим тестам. Во время ингаляционных исследований животных сажают в запечатанные камеры и заставляют вдыхать спреи, газы и пары. В тестах на дерматологическую токсичность кроликам сбивают мех, чтобы можно было поместить токсичное вещество на кожу. Животные обездвижены, поэтому не могут почесать свое раздраженное тело. Кожа может кровоточить, покрываться волдырями, облезать. При проведении тестов на погружение животных помещают в баки с разбавленными веществами, и некоторые из них тонут еще до получения результатов теста. В исследованиях на восприятие инъекции проверяемое вещество вводится животному подкожно, внутримышечно или непосредственно в орган.

Таковы стандартные процедуры. Вот два примера того, как они проводятся.

В Англии Исследовательский институт Хантингтон (Huntington Research Institute) совместно с гигантской корпорацией ICI проводил эксперименты, в ходе которых сорок обезьян были

отравлены гербицидом под названием паракват. Они очень плохо себя чувствовали, у них наблюдалась рвота, затрудненное дыхание и пониженная температура тела. Они умирали медленно, в течение нескольких дней. К тому времени уже было известно, что отравление паракватом у человека становится причиной медленной и мучительной смерти.[53] Мы начали эту главу с разбора некоторых военных экспериментов. Вот военный эксперимент, включающий в себя тест ЛД-50.

Вивисекторы из Медицинского исследовательского института по инфекционным болезням армии США (US Army Medical Research Institute of Infectious Diseases) отравили крыс ядом Т-2. Согласно Государственному департаменту, этот яд имеет «дополнительные преимущества как эффективное орудие устрашения, которое вызывает “странные и пугающие симптомы”, такие как сильное кровотечение, появление волдырей и рвота, в результате чего люди и животные могут “умереть ужасной смертью”». Т-2 вводился внутримышечно, внутривенно, подкожно. Кроме того, его вводили через рот и через нос в брюшную полость, а также распыляли на коже. Цель опытов заключалась в том, чтобы определить «летальную дозу 50». Обычно смерть наступала после 9-18 часов соприкосновения с веществом, но те крысы, у которых взаимодействие с ядом происходило через кожу, умирали в среднем через 6 дней. Перед смертью животные не могли ходить и есть, у них наблюдалось нагноение кожи и кишечника, понос, беспокойство. Ученые сообщили, что их открытия «вполне соответствуют ранее опубликованным исследованиям, которые посвящены острому и хроническому отравлению Т-2».[54]

Как показывает этот пример, тестирование проходят не только продукты, предназначенные для человеческого употребления. Животным скармливаются либо «закладываются» в глаза различные вещества – реагенты химического оружия, пестициды и все виды промышленных и бытовых товаров. Среди них – инсектициды, антифриз, тормозная жидкость, отбеливатели, спреи для новогодних елок, церковные свечи, средства для плит, дезодоранты, средства для очищения кожи, пена для ванн, депиляторы, косметика для глаз, огнетушители, чернила, средства для загара, лаки для ногтей, тушь для ресниц, лаки для волос, краски и кремы для обуви.[55]

Многие ученые и врачи критиковали этот вид тестирования и указывали, что его результаты неприменимы к людям. Доктор Кристофер Смит (Christopher Smith), врач из Лонг-Бич (Long Beach), штат Калифорния, сказал:

«Результаты этих тестов не могут использоваться для предсказания токсичности или для терапии при отравлении людей. Как квалифицированный врач неотложной медицинской помощи, имеющий более 17 лет опыта в лечении случайных отравлений и токсических поражений, я не знаю ни одного случая, когда врач скорой помощи использовал бы результаты теста Драйза, желая вылечить поврежденный глаз. Я никогда не использовал результаты экспериментов на животных, сталкиваясь со случайными отравлениями. Выбирая оптимальный курс лечения для своих пациентов, врачи скорой помощи опираются на отчеты о конкретных случаях, клиническую практику и экспериментальные данные, полученные во время клинических испытаний на людях».[56]

Токсикологи уже давно знают, что экстраполяция с одного вида на другой – это в высшей степени рискованная авантюра. Самым известным лекарством, причинившим неожиданный вред людям, но предварительно прошедшим интенсивное тестирование на животных, стал талидомид. Даже после того, как его заподозрили в вызывании уродств у человека, во время лабораторных исследований на беременных собаках, кошках, крысах, обезьянах, хомяках, а также на курицах, никакие дефекты не проявились. Они проявились только у одной определенной породы кроликов.[57]

Если говорить о недавних примерах, то препарат опрен прошел все необходимые испытания, прежде чем появился в продаже. Его производитель, фармацевтический гигант Eli Lilly, широко рекламировал опрен как новое «чудо-лекарство» для лечения артрита. Опрен был изъят из оборота в Британии после 61 смертельного случая и 3500 сообщений об острых реакциях. По оценкам журнала «Новый ученый», реальное количество инцидентов могло быть гораздо больше.[58] Среди других лекарств, признанных безопасными после тестирования на животных, но в дальнейшем оказавшихся вредными, значится сердечный препарат практолол (он вызывал слепоту) и средство от кашля зипепрол (у некоторых пациентов, принимавших его, наблюдались эпилептические припадки, после чего они впадали в кому).[59]

Опыты на животных не только подвергают людей риску – из-за них можно упустить ценные средства, которые представляют опасность для животных, но не для людей. Инсулин может вызвать уродства у крольчат и мышат, но не у человека.[60] Морфин, который оказывает успокаивающее действие на человека, вызывает лекарственное маниакальное возбуждение у мышей. Как сказал один токсиколог, «если бы токсичность пенициллина оценивалась на морских свинках, человек бы, возможно, никогда не начал его использовать».[61]

Сейчас, после десятилетий бессмысленных экспериментов на животных, начинается пересмотр вопроса о правильности этой практики. Вот что говорит доктор Элизабет Уилан (Elizabeth Whelan), ученый и исполнительный директор Американского Совета по науке и здравоохранению (American Council on Science and Health): «Не нужна ученая степень, чтобы понять, что эксперимент, в котором грызуны получают количество сахара, эквивалентное 1800 бутылкам газировки в день, не имеет большого отношения к нескольким стаканам этого напитка, потребляемым нами ежедневно. Уилан приветствовала то, что работники Службы по защите окружающей среды (Environmental Protection Agency) недавно снизили более раннюю оценку опасности, которую несут в себе пестициды и другие вещества, попадающие в окружающую среду. При этом отмечалось, что оценка канцерогенности вещества, полученная в ходе экспериментов на животных, основывалась на упрощенных предположениях, при которых «вероятность мала». По ее словам, это означает, что «наши чиновники начинают обращать внимание на научную литературу, отрицающую безошибочность тестов на животных».[62]

Американская медицинская ассоциация (American Medical Association) тоже признала, что животные модели имеют сомнительную точность. На слушании в Конгрессе, посвященном тестированию лекарств, представитель ассоциации заявил, что «в настоящее время исследования на животных не доказывают почти ничего или вообще ничего и трудно применимы к человеку».[63]

К счастью, со времени выхода в свет первого издания этой книги был достигнут большой прогресс в том, чтобы прекратить такие эксперименты. Тогда большинство ученых не воспринимали всерьез вероятность того, что могут появиться эффективные альтернативы тестам, в ходе которых токсичность измеряется на животных. Они убедились в этом благодаря большой работе, которую проделали противники вивисекции. Среди них особое место занимал Генри Спира (Henry Spira), в прошлом борец за гражданские права; он объединил коалиции против теста Драйза и ЛД-50. Коалиция за запрет теста Драйза (Coalition to Abolish the Draize Test) начала с того, что предложила компании Revlon, как крупнейшему производителю косметики в США, потратить 0,1% своих прибылей на разработку альтернатив тесту Драйза. Когда Revlon отказалась, в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья на всю страницу с вопросом: «Сколько кроликов Revlon ослепляет ради красоты?»[64] Люди пришли на ежегодное главное собрание в компании в костюмах кроликов.

Тогда Revlon приняла предложение и выделила требуемые средства, чтобы оплатить поиск альтернатив экспериментам на животных. Другие компании, такие как Avon и Bristol Myers, последовали этому примеру.[65] В результате работа, которую на начальном этапе в Британии проводил Фонд по замене животных в медицинских экспериментах (Fund for the Replacement of Animals in Medical Experiments), развернулась еще более интенсивно в США, особенно в Центре альтернатив экспериментам на животных Джонса Хопкинса (Johns Hopkins Center for Alternatives to Animal Testing) в Балтиморе, штат Мэриленд. Благодаря возрастающему интересу появилось несколько новых крупных журналов, таких как «Токсикология ин витро» (In-Vitro Toxicology), «Биология и токсикология клеток» (Cell Biology and Toxicology) и «Токсикология в пробирке» (Toxicology in Vitro).

Потребовалось время, чтобы результаты этой работы проявились, но постепенно интерес к альтернативам возрастал. Такие корпорации как Avon, Bristol Myers и Procter & Gamble, начали использовать в своих собственных лабораториях альтернативы и, таким образом, сократили число животных, задействованных в опытах. К концу 1988 года перемены стали наступать быстрее. Международная кампания против Benetton, которую проводило Вашингтонское отделение организации «Люди за этическое отношение к животным» (People for the Ethical Treatment of Animals – PETA) убедила эту торговую сеть отказаться от экспериментов на животных.[66] В декабре 1988 года Noxell Corporation, производитель кремов для кожи Noxzema и косметики Cover Girl, объявила, что будет применять сканирующий тест, который заменяет от 80 до 90% животных, использующихся для офтальмологического тестирования. В дальнейшем Noxell заявила, что в первой половине 1989 года вообще не использовала животных при тестировании косметики на безопасность.[67]

Теперь движение пошло быстрее. В апреле 1989 года Avon объявила, что провела валидацию тестов, в которых используется специально разработанный синтетический материал под названием айтекс. Эти тесты заменяют тест Драйза. В результате, через 9 лет после того как Спира начал свою кампанию, Avon перестала использовать тест Драйза.[68] Но это были еще не все хорошие новости. В том же году Mary Kay Cosmetics и Amway объявили о том, что перестали использовать животных для тестирования на безопасность потребительских продуктов и пересмотрели планы для использования альтернатив.[69] В

июне Avon, под давлением очередной кампании, которую проводила PETA, заявила о прекращении всех экспериментов на животных навсегда.[70] Через 10 дней после этого заявления Revlon сообщила, что закончила свой долгосрочный план по устранению вивисекции на всех стадиях исследований и потому прекращает тестировать свою продукцию на животных. Потом Faberge перестала практиковать опыты на животных в косметическом и парфюмерном бизнесе. Таким образом, в течение нескольких месяцев (пусть и благодаря многолетней работе) первая, вторая и четвертая по размеру косметические компании США отказались от всех экспериментов на животных.[71]

Наиболее радикальные перемены имели место именно в косметической промышленности, как в самой открытой и потому относительно уязвимой, но движение против вивисекции также оказывает действие и в более широких сферах промышленности. Вот что об этом говорится в докладе, напечатанном в журнале «Наука» (Science):

«Главные производители фармацевтических препаратов, пестицидов и средств бытовой химии, побуждаемые движением за права животных, в последние годы сделали важные шаги, направленные на сокращение количества особей, включенных в тесты на токсичность. Альтернативные методы, такие как эксперименты на культуре клеток и тканей и компьютерное моделирование, все в большей степени рассматриваются не только как хороший способ пиара, но и как предпочтительные методы и с экономической, и с научной точек зрения».[72]

Далее в этом докладе приводятся слова Гэри Фламма (Gary Flamm), директора Службы токсикологических исследований Управления по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными средствами (Food and Drug Administration Office of Toxicology Studies). Он указывает на то, что «в подавляющем большинстве случаев тест ЛД-50 должен быть заменен». Статья в «Нью-Йорк Таймс» цитирует старшего токсиколога из G.D. Searle and Company: «Многие заявления, которые делают активисты зоозащитного движения, звучат резко, но они верны».[73]

Вряд ли возникнут сомнения в том, что в результате всех этих разработок удастся избежать огромного количества боли и страданий. Какого именно – трудно сказать, но теперь прекращаются тесты, в которых в противном случае ежегодно погибали бы миллионы животных. Трагедия заключается в том, что если бы токсикологи, корпорации и контролирующие службы больше заботились о животных, которых они используют, миллионы существ были бы спасены от острой боли и смерти. Те, кто отвечает за индустрию, связанную с тестированием, действительно задумались о страданиях животных только тогда, когда движение за освобождение животных начало просвещать людей по этим вопросам. Самые жестокие и глупые вещи делаются лишь потому, что того требуют правила, и никто не трудится менять их. Например, только в 1983 году федеральные службы США заявили, что такие средства, как щелочь, аммиак и очиститель для плит, которые, как известно, являются едкими раздражителями, не нуждаются в тестировании на глазу кролика, находящегося в полном сознании.[75] Но борьба еще ни в коем случае не окончена.

Приведем еще одну цитату из журнала «Наука» от 17 апреля 1987 года:

«В ненужном тестировании все еще используется множество животных, и это связано не только с устаревшими требованиями, но и с труднодоступностью большого объема информации. Теодор М. Фарбер (Theodor M. Farber), директор Службы по защите окружающей среды США токсикологического отделения (US Environmental Protection Agency's Toxicology Branch), заявил, что его служба имеет картотеку, в которую входят 42000 законченных теста и 16000 тестов ЛД-50. Он сказал, что их можно было бы использовать более эффективно, если бы они были компьютеризированы и, таким образом, стали бы более доступны. “Когда речь идет о регулирующей токсикологии, многие из нас снова и снова проводят одни и те же тесты”, – сказал Фарбер».

Если люди действительно захотят прекратить бесполезное использование животных и причинение им страданий, этого будет несложно добиться. Разработка полностью адекватных альтернатив всем токсикологическим тестам займет больше времени, но и это возможно. Вместе с тем, существует простой способ сократить количество страданий, которое несут такие тесты. На первом этапе, до тех пор, пока не появятся удовлетворительные результаты, нам просто надо обходиться без новых, потенциально опасных веществ, в которых нет жизненной необходимости.

Мы склонны думать, что в медицинских исследованиях все мучений оправданы, потому что они ведут к облегчению других мучений. Но мы уже видели, что тестирование лекарственных средств скорее обусловлено желанием получить максимальную прибыль, а не принести благо. Понятие «медицинские исследования» в широком смысле может быть употреблено также для обозначения исследований, которые вызваны простым любопытством. Подобное любопытство может быть приемлемо как компонент получения знаний, но лишь при условии, что от этого никто не страдает. Его не следует допускать, если за ним стоит причинение боли. Вместе с тем, очень часто основные медицинские исследования продолжаются в течение долгого времени, но, в конце концов, оказывается, что многое из сделанного не имело смысла. В качестве иллюстрации посмотрим на следующую серию экспериментов, которая продолжалась в течение почти столетия. Они посвящены действию высоких температур на животных.

В 1880 году Х.С. Вуд (H.C. Wood) поместил животных в ящики со стеклянной крышкой и в жаркий день поставил эти ящики на кирпичный тротуар. Он использовал кроликов, голубей и кошек. Его наблюдения за кроликами типичны. При температуре 109,5° по Фаренгейту кролик прыгает и поднимает задние лапы, затем у него начинаются конвульсии. При 112° животное лежит на боку, истекая слюной. При 120° оно задыхается и стонет. А вскоре после этого умирает.[76]

В 1881 году в журнале «Ланцет» (The Lancet) появился доклад о собаках и кроликах, у которых температура была поднята до 113 градусов по Фаренгейту. Выяснилось, что смерть можно предотвратить с помощью струй прохладного воздуха, и, как указывалось, результаты показали «важность снижения температуры в случаях, когда она может слишком подняться».[77]

В 1927 году В.В. Холл (W.W. Hall) и Е.Г. Уэйкфилд (E.G. Wakefield) из Военно-морской медицинской школы США (US Naval Medical School) поместили 10 собак в жаркую и влажную камеру, чтобы вызвать тепловой удар. Поначалу животные проявляли беспокойство, дыхание у них было затруднено, веки опухали. Они испытывали сильную жажду, а у некоторых наблюдались конвульсии. Несколько собак умерли в начале эксперимента. Те, у кого не наблюдалось поноса, умерли после того, как их выпустили из камеры.[78]

В 1954 году в Медицинской школе Йельского университета (Yale University School of Medicine) М. Леннокс (M. Lennox), В. Сибли (W. Sibley) и Х. Зиммерман (H. Zimmerman) поместили 32 котенка в светотепловую камеру. «Всего котят нагревали 49 раз. Борьба наблюдалась все время, особенно при повышении температуры». В 9 случаях имели место судороги. «Постоянно приходилось сталкиваться с повторными судорогами». 30 конвульсий произошли одна за другой. Пять котят умерли в конвульсиях и шесть – без них. Остальных котят вивисекторы убили, чтобы провести вскрытие. Ученые сообщили: «В результате искусственного повышения температуры у котят были получены данные, которые подтверждают клинические показатели у человека и электроэнцефалограммы, а также уже имеющуюся информацию, полученную на котятках ранее».[79]

Эксперимент, о котором речь пойдет ниже, был выполнен в Медицинском колледже К.Г. (K.G. Medical College), в индийском городе Лакхнау, штат Уттар-Прадеш. Я включаю его сюда, чтобы привести пример того, как западные методы исследования и отношения к животным взяли верх над древней традицией индуизма с его более уважительным отношением к животным, нежели было принято в иудаизме и христианстве. В 1968 году К. Уахал (K. Wahal), А. Кумар (A. Kumar) и П. Нат (P. Nath) подвергали 46 крыс воздействию высокой температуры в течение 4 часов. Крысы становились беспокойными, дышали с трудом и активно выделяли слюну. Одно животное умерло во время эксперимента, а других убили вивисекторы, потому что «они в любом случае не смогли бы выжить».[80]

В 1969 году С. Майклсон (S. Michaelson), ветеринар из Университета Рочестера (University of Rochester), подвергал собак и кроликов воздействию микроволн до тех пор, пока температура их тел не достигала критического показателя 107° по Фаренгейту или даже выше. Он заметил, что вскоре после начала микроволнового облучения собаки начинают задыхаться. Большинство из них «проявляют растущую активность, которая варьируется от беспокойства до крайнего возбуждения». Незадолго до смерти наступает слабость и изнеможение. Когда в эксперименте участвуют кролики, не позднее, чем через 5 минут, они начинают предпринимать отчаянные попытки вырваться из клетки, а умирают в течение 40 минут». С. Майклсон пришел к выводу, что повышение температуры при помощи микроволн наносит такой же вред, «как и обычное повышение температуры».[81]

В Геллерском Институте медицинских исследований (Heller Institute of Medical Research) в Тель-Авиве в экспериментах, проведенных в 1971 году и оплаченных Службой здравоохранения США (United States Public Health Service), Т. Розенталь (T. Rosenthal), Е. Шапиро (Y. Shapiro) и другие ученые поместили 33 собаки, «которые были произвольно взяты из местного приюта», в камеру с контролируемой температурой и заставили их выполнять упражнения в специальном колесе при температуре 113° по Фаренгейту до тех пор, пока они не «начали падать от теплового удара либо пока их температура при

измерении через прямую кишку не достигла определенных значений». 25 собак умерли.

Оставшихся 9 собак подвергли нагреванию до 122° , на сей раз без упражнений на колесе. Из них только две прожили более 24 часов, и вскрытие показало, что у всех имелись кровоизлияния. Вивисекторы сделали следующий вывод: «Полученные данные соответствуют тому, что сообщается в медицинской литературе о людях».[82] В следующем докладе, напечатанном в 1973 году, те же самые ученые описывают эксперименты на 53 собаках. Эти опыты включали в себя нагревание и упражнения на колесе в разных комбинациях. У шести собак наблюдалась рвота, у восьми – диарея, у четырех – конвульсии, 12 утратили мышечную координацию, и у всех усиленно выделялась слюна. Из 10 собак, у которых температура в прямой кишке достигла 113° по Фаренгейту, 5 умерли «когда прямокишечная температура достигла максимальных значений», а остальные 5 скончались в промежутке от 30 минут до 11 часов после окончания эксперимента. Вивисекторы пришли к выводу, что «чем скорее снижается температура тела пострадавшего от теплового удара, тем больше шансов на его выздоровление».[83]

В 1984 году ученые, работающие на Федеральное управление гражданской авиации (Federal Aviation Administration), заявили, что «животные иногда умирают от теплового стресса, с которым приходится сталкиваться во время перевозок в национальных транспортных системах». Они подвергли экспериментальному нагреванию 10 биглей. Собакам одели намордники и поместили в изолированные камеры, которые были нагреты до 95° по Фаренгейту в сочетании с высокой влажностью. Животным не давали пищи и воды; их продержали в этом состоянии 24 часа. За их поведением наблюдали. Оно включало преднамеренную возбужденную активность: собаки царапали стенки камеры, непрерывно бегали по кругу, запрокидывали головы в попытке сбросить намордник, терлись намордником о пол клетки и агрессивно нападали на предохранители датчиков». Некоторые собаки умерли в камерах. Когда выживших вынули из нее, у части из них наблюдалась рвота кровью, и все они были слабыми и изможденными. Вивисекторы ссылаются на «последующие опыты, в которых было задействовано более 100 биглей».[84]

В следующем примере военных экспериментов Р.В. Хаббард (R.W. Hubbard) из Исследовательского института медицины окружающей среды при армии США (US Army Research Institute of Environmental Medicine) в Натике, штат Массачусетс, в течение более 10 лет публиковал труды под названием «Крысиная модель смертности при тепловом ударе». Хорошо известно, что когда крысам жарко, они выпускают на тело слюну; слюна у них оказывает такое же охлаждающее действие, как пот у людей. В 1982 году Хаббард и двое его коллег отметили, что крысы, неспособные производить слюну, будут выделять мочу, если нет другой жидкости.[85] Поэтому в 1985 году исследователи ввели крысам лекарство атропин, которое подавляет как потоотделение, так и выделение слюны. Другим крысам удалили хирургическим путем слюнные железы. Потом вивисекторы поместили крыс в камеры с температурой 107° по Фаренгейту и ждали, пока температура их тела повысится до 108,7°. Исследователи нарисовали диаграммы, на которых сравнили «способ выделения слюны» у крысы, которой либо дали атропин, либо удалили слюнные железы, с крысой, ничего такого не перенесшей. Они обнаружили, что «крысиная модель теплового обезвоживания» служит «многообещающим инструментом, с помощью которого можно исследовать роль обезвоживания при перегреве».[86]

Я привел подробности экспериментов, которые уходят корнями еще в XIX век. При этом мне хватает места только на то чтобы включить лишь небольшую часть опубликованной информации. Данные опыты несомненно причинили огромные страдания; а самое их главное открытие, по-видимому, заключается в совете охладить пострадавшего от теплового удара. Последнее кажется элементарным здравым смыслом и в любом случае уже подтверждено при наблюдениях за людьми, которые пострадали от теплового удара в естественных условиях. Что же касается применимости этих исследований к людям, то Б.В. Звайфач (B.W. Zweifach) в 1961 году показал, что с точки зрения физиологии реакция у собак на тепловой удар отличается от реакции у людей, и поэтому они служат плохой моделью для изучения теплового удара.[87] Впрочем, и безо всяких доказательств было бы трудно поверить в то, что маленькие пушистые зверьки, накачанные атропином и выделяющие при жаре мочу, окажутся хорошей моделью.

Подобные серии экспериментов обнаруживаются и во многих других областях медицины. В нью-йоркских офисах организации «Объединенные действия в защиту животных» шкафы для хранения документов заполнены фотокопиями экспериментов, о которых сообщалось в журналах. Каждая толстая папка содержит отчеты о многочисленных опытах, часто их по 50 или больше, а ярлыки на них говорят сами за себя: «Акселерация», «Агрессия», «Удушье», «Ослепление», «Ожоги», «Центрифуга», «Сдавливание», «Удары», «Поведение в толпе», «Раздавливание», «Декомпрессия», «Наркотические тесты», «Экспериментальный невроз», «Замораживание», «Перегрев», «Кровоизлияние», «Поражение задних ног», «Иммобилизация», «Изоляция», «Множественные повреждения», «Убийство жертвы», «Лишение белка», «Наказание», «Радиация», «Голодание», «Шок», «Повреждения спинного мозга», «Стресс», «Жажда» и так далее. Некоторые из этих экспериментов, возможно, привели к каким-то успехам в медицинском познании, но ценность этого познания часто сомнительна, а в большинстве случаев необходимая информация могла быть получена другими путями. Многие из этих исследований выглядят тривиальными или дающими неверное представление, а какие-то даже не были рассчитаны на то, чтобы с их помощью извлечь пользу.

Давайте рассмотрим опыты, связанные с вызыванием шока у животных (здесь имеется в виду не электрошок, а умственное или физическое состояние шока, которое часто наблюдается после тяжелого ранения) в качестве примера того, как одни и те же или похожие эксперименты проводятся по много раз. Еще в 1946 году исследователь в этой области Магнус Греджерсен (Magnus Gregersen) из Колумбийского Университета (Columbia University) сделал обзор литературы и нашел около 800 опубликованных работ, в которых речь шла об экспериментальном изучении шока. Вот как он описывает методы, с помощью которых шок вызывался:

“ «Использование жгута на одной или более конечностях, раздавливание, сжатие, мышечные травмы, наносимые легкими ударами молотка, цилиндр Ноубла-Коллипа (устройство, в которое помещают животных, и барабан начинает вращаться; животные постоянно падают вниз барабана и получают ранения), огнестрельные ранения, зажимание кишки или кишечных петель, замораживание и ожоги».

Греджерсен отмечает, что «широко использовалось» кровопускание и что «во все большем количестве этих исследований не применяется такой осложняющий фактор как анестезия». Однако он недоволен разнообразием методов и жалуется, что их многочисленность делает «чрезвычайно затруднительной» оценку результатов, полученных разными исследователями; по его словам, существует «острая необходимость» в стандартизированных процедурах, которые бы вызывали состояние шока одинаковым путем.[88]

Спустя восемь лет ситуация изменилась незначительно. С.М. Розенталь (S.M. Rosenthal) и Р.С. Милликан (R.C. Millican) писали, что «исследования на животных в области травматического шока дают разнородные и часто противоречивые результаты». И, подобно Греджерсену, они не одобряли использование анестезии: «Влияние анестезии вносит неясность... и, по мнению рецензентов, длительного обезбоживания желательно избегать». Они также рекомендовали «использовать адекватное количество животных, чтобы преодолеть биологические расхождения».[89]

В 1974 году ученые все еще работали на «животных моделях» экспериментального шока, все еще проводили предварительные эксперименты, чтобы выявить, какие надо наносить повреждения для создания «стандартного» удовлетворительного состояния шока. После того как в течение десятилетий разрабатывались исследования по продуцированию шока у собак (для этого у них вызывали кровотечения), более поздние опыты показали, что (подумать только!) у собаки шок, вызванный кровопотерей, отличается от такового у человека. Исследователи из Университета Рочестера приняли во внимание эти данные и вызвали кровотечение у свиней, чтобы выявить, какой объем потерянной крови оптимален для создания экспериментального шока (ученые решили, что в этом отношении свиньи в большей степени, чем собаки, похожи на людей).[90]

Ежегодно также выполняются сотни экспериментов, в ходе которых у животных вызывают наркотическую зависимость. Только с одним кокаином было проведено более 500 исследований. Анализ только 380 из них показал, что они стоили около 100 миллионов долларов; большая часть этих средств – налоговые сборы.[91] Вот пример. В лаборатории Даунстейтского медицинского центра (Downstate Medical Center), которым заправлял Джеральд Дено (Gerald Deneau), макаки-резус были прикованы к стульям. Их научили самим себе вводить кокаин непосредственно в кровоток в желаемом количестве; для этого надо было нажать на кнопку. Согласно одному отчету, «подопытные обезьяны вновь и вновь нажимали на кнопку, даже после судорог. Они обходились без сна. Они съедали такое количество пищи, которое в пять или шесть раз превышало норму, но становились все более истощенными... В какой-то момент они начали увечить сами себя и, в конце концов, умерли от злоупотребления кокаином».

При этом Доктор Дено признал, что «мало кто из людей смог бы позволить себе дозы кокаина, которые имели возможность получать эти обезьяны».[92]

Несмотря на то, что было проведено около 500 экспериментов на животных с использованием кокаина, это всего лишь небольшая часть от общего числа опытов, в которых животных превращают в наркоманов. В первом издании книги я сообщал о схожей

серии экспериментов, связанных с выработкой зависимости, в которых использовались морфин и амфетамины. Вот более или менее недавние примеры.

В Университете Кентукки у биглей наблюдались симптомы, которые возникают при отказе от валиума и сходного с ним транквилизатора под названием лоразепам. Ученые вырабатывали у собак зависимость от лекарства, после чего раз в две недели не давали этот препарат. Из симптомов отмечались судороги, дрожь, непрерывные припадки, быстрая потеря массы тела, страх и съеживание. Через 40 часов после неполучения валиума «у семи собак из девяти наблюдались тоническо-клонические судороги... У двух собак были повторные случаи клонических припадков по всему телу». Четыре собаки умерли: две – во время конвульсий, а еще две – после быстрой потери веса. Лоразепам вызывал сходные симптомы, но от него не было смерти в судорогах.

Д.М. Грилли (D.M. Grilly) и Г.С. Гованз (G.C. Gowans) из Кливлендского государственного университета (Cleveland State University) сделали обзор экспериментов, сделанных начиная с 1931 года, в ходе которых симптом изъятия барбитуратов и транквилизаторов наблюдался у крыс, кошек, собак и приматов[93]. Обзор показал, что «эффекты, напоминающие ломку, у некоторых видов могут наблюдаться после разового введения наркотиков опиумной группы». Среди таких видов – собаки, мыши, обезьяны и крысы. После этого обзора ученые решили проверить предположение, согласно которому отказ от морфина вызывает сверхчувствительность к боли. Крыс тренировали с помощью процедуры, которая включала в себя в среднем 6387 обучающих испытания на «установление различий при ударах». В этих испытаниях крысам надо было реагировать на получение электрошока. Потом животным кололи морфин и подвергали ударам током один, три и семь дней после введения препарата. Вивисекторы отметили, что чувствительность к ударам возрастала в дни, следовавшие непосредственно за введением морфина.[94]

Вот еще более странный пример того, как исследовались наркотики.

В Калифорнийском Университете в Лос-Анджелесе Рональд Сиджел (Ronald Siegel) приковал двух слонов к сараю. Самка использовалась в дальномерных тестах, чтобы «определить процедуры и дозировки для приема ЛСД». Ей давали наркотик перорально и с помощью пистолета, стреляющего дротиками. Потом ученые начали давать наркотик обоим слонам каждый день и наблюдали за их поведением. Из-за высоких доз галлюциногена самка упала на бок, в течение часа у нее наблюдались дрожь и затрудненное дыхание. А самец из-за высоких доз стал агрессивным и начал нападать на Сиджела. Последний назвал такое агрессивное поведение «неуместным».

Мой последний эпизод в этом мрачном рассказе об опытах с наркотиками, по крайней мере, имеет счастливый конец. Исследователи из Медицинского колледжа Корнелльского университета (Cornell University Medical College) вводили кошкам большие дозы барбитуратов через трубки, которые были имплантированы в их желудки хирургическим путем. Вот описание симптомов при изъятии препарата:

“ «Некоторые не могли стоять... У «распластавшихся» животных наблюдались самые ярко выраженные признаки абстиненции и наиболее частые

судороги, напоминающие эпилептические. Почти все животные умерли во время или вскоре после продолжительных конвульсий... Нередко в те периоды, когда другие признаки абстиненции были выражены особенно интенсивно, наблюдалось учащенное или затрудненное дыхание. В периоды наибольшей слабости, особенно после сильных судорог и перед смертью, отмечалось снижение температуры тела».[96]

Эти эксперименты начались в 1975 году. Несмотря на то, что злоупотребление барбитуратами стало серьезной проблемой несколькими годами раньше, к тому времени использование барбитуратов строго ограничили, и злоупотребление ими снизилось. С тех самых пор этот показатель постоянно снижается. Тем не менее, эксперименты на кошках в Корнелльском университете продолжались в течение 14 лет. Потом, в 1987 году организация за права животных «Все виды без границ» (Trans-Species Unlimited), основанная в Пенсильвании, собрала об этих опытах всю информацию, какую удалось найти, и начала кампанию за их прекращение. В течение четырех месяцев неравнодушные люди проводили пикеты возле лаборатории, в которой проводились эксперименты на кошках, и писали письма в финансирующие органы, в СМИ, в университет и законодателям. В конце 1988 года, после продолжительного отстаивания этих экспериментов Корнелльский университет и Мишико Окамото (Michiko Okamoto), ученый, проводивший эти исследования, написали финансирующей организации – Национальному Институту злоупотребления наркотиками (National Institute on Drug Abuse) – что они вернут грант на 530000 долларов, который получили для проведения экспериментов в течение следующих трех лет.[97]

Как такие вещи могут происходить? Как могут люди, не являющиеся садистами, в свои рабочие дни доводить обезьян до пожизненной депрессии, перегреть собак до смерти и превращать кошек в наркоманов? Как они после этого могут снимать белые халаты, мыть руки, возвращаться допой и ужинать с семьей? Как могут налогоплательщики допускать, чтобы средства использовались для поддержки этих экспериментов? Почему студенты протестуют против несправедливости, дискриминации и разного рода насилия, пусть даже все это происходит очень далеко от дома, но при этом игнорируют жестокость, которая имеет место на территории их университетов?

Ответы на эти вопросы заключаются в неоспоримом принятии спесишизма. По отношению к представителям других видов мы допускаем зверства, которые бы вызвали у нас гнев, если бы речь шла о нашем собственном виде. Спесишизм дает возможность вивисекторам рассматривать животных скорее как инвентарь, лабораторные инструменты, а не как живых, страдающих существ. Когда подается заявление на грант в правительственные финансирующие органы, животные в нем указываются среди «принадлежностей», наряду с пробирками и записывающим оборудованием.

Помимо общего спесишистского мировоззрения, которое характерно как для вивисекторов, так и для других людей, некоторые особые факторы способствуют проведению описанных выше экспериментов. Прежде всего, общество до сих пор глубоко уважает ученых. Невзирая на то, что появление ядерного оружия и загрязнение окружающей среды заставили нас осознать, что наука и технология не настолько полезны, как может показаться с первого взгляда, многие до сих пор склонны благоговеть перед людьми, которые носят белые

халаты и имеют ученую степень. В известной серии экспериментов Стэнли Милграм (Stanley Milgram), гарвардский психолог, показал, что обычные люди готовы выполнять указания человека в белом халате, приказывающего наносить видимые электрические удары участнику эксперимента в качестве наказания за то, что он не отвечает на вопросы правильно. Разумеется, испытуемых вводили в заблуждение относительно причинения страданий человеку, но здесь важен сам факт. И они продолжали «причинять страдания» даже тогда, когда человек кричал и притворялся, что испытывает сильную боль.[98] Если такое может произойти даже тогда, когда участники считают, что делают больно человеку, то насколько проще студентам откинуть в сторону первоначальные сомнения, когда профессора приказывают им проводить эксперименты на животных? Элис Хейм правильно назвала это «идеологической обработкой студента», которая начинается с препарирования лягушки на занятиях по биологии. Когда будущие медики, психологи и ветеринары приходят в университет и обнаруживают, что для окончания выбранного ими курса необходимо ставить опыты на живых созданиях, им бывает трудно отказаться. Особенно это бывает проблематично, когда они знают, что то, о чем их просят, является стандартной практикой. Студенты, которые отказываются участвовать в таких занятиях, получают плохие оценки за курс и часто вынуждены оставить обучение.

Требование подчиняться правилам не ослабевает и после получения дипломов. Если они решают получить ученую степень в сфере, в которой распространенной практикой являются опыты на животных, их будут подталкивать к разработке собственных экспериментов и к подробному описанию этих исследований в диссертации. Естественно, если студенты получают образование подобным образом, то, став профессорами, будут аналогичным образом обучать собственных студентов. Особенно показательно свидетельство Роджера Ульриха (Roger Ulrich), бывшего вивисектора, который отказался от своих воззрений и сейчас признает, что причинил годы мучений самым разным животным, от крыс до обезьян. В 1977 году журнал «Монитор» (Monitor), издаваемый Американской психологической ассоциацией, сообщил, что эксперименты по изучению агрессии, проведенные Ульрихом, были выбраны для подкомиссии в Конгрессе в качестве примера негуманного исследования. К удивлению критиковавших его противников вивисекции и, несомненно, редактора «Монитора», Ульрих заявил в ответ, что критика «воодушевила» его, и добавил:

“ «Первоначально мое исследование обуславливалось желанием понять и, по возможности, решить проблему человеческой агрессии. Но позже я обнаружил, что результаты моей работы, по-видимому, не оправдывают ее продолжения. Вместо этого я задумался над тем, не служат ли сдерживающим фактором для науки финансовые награды, профессиональный престиж, возможность путешествовать и т.д., и не мы ли, ученые (которых поддерживает наша бюрократическая и законодательная системой), являемся частью проблемы».[99]

Дональд Барнс, как мы видели, аналогичным образом изменил свое отношение к работе, заключавшейся в облучении радиацией дрессированных обезьян для Военно-воздушных сил США. Он назвал процесс, который описывал Ульрих, «отвечающей требованиям этической слепотой». Иными словами, крыса может научиться нажимать на рычаг в обмен на пищу, а

человек точно так же может приворожиться профессиональными наградами и потому игнорировать этические вопросы, которые встают при проведения опытов на животных. Как говорит Барнс,

“ «я представлял собой типичный пример того, что называю “отвечающая требованиям этическая слепота”. Вся моя жизнь состояла из наградений за использование животных, за то, что я обращался с ними как со средствами для человеческого совершенствования или развлечения... За те шестнадцать лет, что я провел в лаборатории, вопросы морали и этики использования лабораторных животных ни разу не поднимались ни на формальных, ни на неформальных собраниях до тех пор, пока я не заговорил о них на исходе моих дней в качестве вивисектора».[100]

От отвечающей требованиям этической слепоты страдают не только вивисекторы. Иногда исследовательские институты сообщают критикам, что для присмотра за животными они берут ветеринара. Предполагается, что такие заявления должны успокоить людей, так как, согласно распространенному мнению, ветеринары – это люди, которые заботятся о животных и никогда не допустят ненужных страданий. К сожалению, это не так. Несомненно, многие ветеринары выбрали эту профессию из-за любви к животным, но людям, которые действительно равнодушно относятся к братьям меньшим, трудно пройти курс обучения ветеринарной медицины и при этом не притупить свою чуткость к страданиям. Те, кто любит их больше всего, возможно, не смогут закончить обучение. Вот что один бывший студент-ветеринар написал в зоозащитную организацию: «Мечта и цель всей моей жизни стать ветеринаром рассеялась после нескольких травмирующих случаев. Речь шла о стандартных экспериментальных процедурах, которые использовали бесстрастные преподаватели в подготовительной ветеринарной школе при моем университете. Они считали совершенно допустимым экспериментировать со всеми теми животными и убивать их, а я почувствовал, что это идет вразрез с моим моральным кодексом. После многочисленных конфликтов с этими бессердечными вивисекторами я с сожалением решил выбрать другую профессию».[101]

В 1966 году были предприняты попытки ввести закон для защиты лабораторных животных, и тогда Американская ассоциация ветеринарной медицины (American Veterinary Medical Association) заявила комитетам Конгресса, что хоть эти меры и помогают остановить кражу домашних любимцев для последующей продажи их в лаборатории, они затрудняют лицензирование и регулирование исследовательских служб, тогда как это может помешать исследованиям. Основная установка профессии ветеринара была выражена в одной из статей в «Журнале Американской Ассоциации ветеринарной медицины» (Journal of the American Veterinary Association): «Сущность ветеринарии заключается в достижении максимального благополучия человека, а не низших животных».[102] После осознания этого характерного примера вряд ли кто-то удивился бы тому, что ветеринары входили в состав экспериментальных бригад, которые проводили многие опыты, описанные в этой главе. Только для одного примера вернемся к эксперименту с Платформой равновесия для приматов, который включал в себя соприкосновение с нервно-паралитическим газом зоманом. В докладе, из которого было взято это описание эксперимента, указывается

следующее: «Повседневный уход за животными осуществлял отдел ветеринарной науки Школы аэрокосмической медицины при Вооруженных силах США».

По всей Америке ветеринары обеспечивают «повседневный уход» за теми животными, которые бессмысленно эксплуатируются. В этом ли заключается профессия ветеринара? (недавно появилась надежда, потому что теперь существует новая организация ветеринаров, ставящая целью поддерживать тех врачей и студентов, которых беспокоит этика отношения к животным).[103]

Когда какая-то модель экспериментирования на животных становится признанным методом исследования в определенной сфере, бывает трудно нарушить этот самоподдерживающийся процесс. Движущим механизмом для опытов на животных становятся не только публикации и повышения в должности, но еще и премии и гранты, которыми финансируются исследования. Администраторы фондов будут готовы поддержать заявку на новый эксперимент с животными, если они в прошлом уже финансировали их. Новые методы без использования животных кажутся им менее знакомыми, и поэтому шансы на получение поддержки здесь меньше.

Все это помогает объяснить, почему людям, не работающим в университетах, не всегда бывает просто понять основную причину, по которой в них проводятся исследования. Возможно, изначально ученые ставили целью только решить самые важные проблемы и не поддавались влиянию других соображений. Нет сомнения, что для некоторых и поныне именно эти интересы служат мотивацией. Вместе с тем, академические исследования очень часто вязнут в мелких и незначительных деталях из-за того, что важные области уже изучены, и в настоящий момент существенные вопросы либо решены, либо слишком трудны для решения. Поэтому ученые отходят от хорошо исследованных областей в поисках новой территории, где любое открытие станет новым, несмотря на то, утратится ли при этом связь с главной проблемой. Как мы убедились, вивисекторы нередко признают, что аналогичные эксперименты с теми или иными незначительными изменениями уже выполнялись ранее по много раз; а научная публикация чаще всего заканчивается словами: «Требуется дальнейшее исследование».

Когда мы читаем отчеты об экспериментах, которые причинили боль, но, по всей видимости, даже не были рассчитаны на получение действительно важных результатов, поначалу мы склонны думать, что тут делается нечто большее, что-то превосходящее наше понимание. Нам кажется, что у ученых должны быть более весомые причины делать это, нежели то, что указывается в докладах. Когда я описываю людям подобные эксперименты или привожу цитаты из опубликованных работ исследователей, самые частые реакции, с которыми мне приходится сталкиваться, это озадаченность и скептицизм. Но когда мы исследуем этот вопрос более глубоко, выясняется, что цели опытов, кажущиеся ничтожными на поверхности, очень часто на самом деле тривиальны. Часто это неофициально признают даже сами вивисекторы. Х.Ф. Харлоу, чьи эксперименты мы рассматривали в начале этой главы, в течение 20 лет был редактором Журнала сравнительной и физиологической патологии (*Journal of Comparative and Physiological Psychology*). В нем публиковалось больше, чем где-либо еще, докладов о болезненных экспериментах на животных. К концу периода (за который, по оценкам Харлоу, он рецензировал около 2500 рукописей, представленных к

публикации), ученый написал в полушуточной прощальной заметке, что «большая часть экспериментов не стоила выполнения, а полученные данные не стоили публикации».[104]

Это не должно удивлять нас. Исследователи, даже те, кто работает в области психологии, медицины и биологии – это люди, и они подвержены влиянию в той же степени, что и все остальные. Им нравится строить карьеру, получать повышение по службе, им хочется, чтобы коллеги читали и обсуждали их работы. Опубликованные труды в соответствующих журналах – это важный атрибут для подъема по служебной лестнице и повышения статуса. Так происходит во всех сферах – в философии и истории в той же мере, что в психологии и медицине. Это совершенно понятно и само по себе вряд ли заслуживает критики. Философы и историки, которые публикуют свои труды ради карьеры, приносят мало вреда, за исключением траты бумаги и надоедания своим коллегам; те же, чья работа включает эксперименты на животных, могут причинять острую боль и длительные страдания. Поэтому их работа должна ограничиваться гораздо более строгими правилами, в основе которых лежит необходимость.

В США, Британии и во всех других странах, где правительственные службы поддерживают исследовательскую деятельность в области биологических наук, эти службы стали основными сторонниками вивисекции. Действительно, подавляющее большинство опытов, описанных в этой главе, были оплачены из налоговых бюджетов. Многие из этих служб оплачивают эксперименты, имеющие самую отдаленную связь с целями, ради которых данные органы учреждены. На предыдущих страницах я описал исследования, профинансированные Национальным Институтом Здравоохранения США (United States National Institute of Health), Администрацией по злоупотреблению алкоголем, наркотиками и по душевному здоровью (Alcohol, Drug Abuse and Mental Health Administration), Федеральным управлением авиации (Federal Aviation Administration), Министерством обороны (Defense Department), Национальным фондом науки (National Science Foundation), Национальным управлением аэронавтики и космоса (National Aeronautics and Space Administration) и т.д. Сложно понять, почему армия США должна платить за исследование, в котором перегретые и накачанные наркотиками крысы выделяют мочу или почему Минздрав хочет распределить деньги так, чтобы слонам можно было дать ЛСД.

Эти эксперименты финансируются из правительственных служб, и поэтому вряд ли необходимо добавлять, что не существует закона, не дающего ученым проводить все эти опыты. Имеются законы, согласно которым обычный человек не может забивать свою собаку до смерти, но в США ученые могут делать то же самое безнаказанно. И никто не проверит, принесет ли это избиение пользу (которая отсутствует, когда собаку просто бьют в быту). Причина заключается в том, что весомость и престиж науки при поддержке различных заинтересованных сторон (в том числе и тех, кто разводит животных на продажу в лаборатории) оказываются достаточными факторами для того, чтобы прекратить попытки осуществления эффективного юридического контроля.

Роберт Дж. Уайт (Robert J. White) из Главной больницы Кливленда Метрополитен (Cleveland Metropolitan General Hospital) – вивисектор, который специализировался на пересадке голов обезьян и поддержании этих голов в живом состоянии в жидкости после того, как они полностью отсоединились от тела. Он служит идеальным примером ученого, который

относится к лабораторному животному как к «инструменту для исследования». Более того, он сам сказал, что основная цель его работы с обезглавленными обезьянами заключается в том, чтобы «предложить живой лабораторный инструмент» для мозговых исследований. Репортер, которому он сделал это заявление, описывает свой визит в его лабораторию как «необычный и леденящий душу взгляд в холодный клинический мир ученого, где единственный смысл жизни животного – это немедленная цель эксперимента».[105]

С точки зрения Уайта, включение животных в нашу этическую систему не имеет смысла с философской точки зрения и невозможно с практической».[106] Другими словами, он не ощущал никаких этических ограничений в отношении того, что он делает с животными. Поэтому неудивительно, что другой репортер, берущий у него интервью, обнаружил, что Уайт «раздражается из-за инструкций, будь они от администрации больницы или от страховщиков. «Я элитист», – сказал ученый. Врачами должны управлять их коллеги, добавил он.[107]

Другим активным противником правительственных правил стал Дэвид Балтимор (David Baltimore), профессор Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology) и лауреат Нобелевской премии. В недавнем обращении к национальному собранию Американской Ассоциации по продвижению науки (American Association for the Advancement of Science) он рассказал о «долгих часах», которые он и его коллеги провели в борьбе с установлением правил исследований.[108] Причина, по которой Балтимор выступал против правил, выяснилась несколькими годами ранее, когда он стал героем телевизионной программы вместе с гарвардским философом Робертом Нозиком (Robert Nozick) и другими учеными. Нозик спросил ученых, оказывается ли иногда количество животных, которым предстоит погибнуть в эксперименте, основанием для отказа от него. Один из ученых ответил: «Насколько я знаю, нет». Нозик настойчиво допытывался: «Неужели животные вообще ничего не значат?» Ученый сказал в ответ: «А почему они вообще должны что-то значить?» В этот момент Балтимор перебил его и заметил, что, на его взгляд, «эксперименты на животных вообще не поднимают никаких моральных вопросов».[109]

Люди, подобные Уайту и Балтимору могут быть отличными учеными, но их высказывания о животных свидетельствуют об их философском невежестве. Я не знаю ни одного современного профессионального философа, который не согласился бы с тем, что включать животных в нашу этическую систему «бессмысленно» или «невозможно», или что опыты на животных не ставят перед нами моральных вопросов. С точки зрения философии, такие утверждения сравнимы с заявлением о том, что земля плоская.

До сих пор американские ученые проявляют исключительное упорство в отказе от общественного контроля за тем, что они делают с животными. Они смогли уничтожить даже минимальные требования, защищающие животных от страданий во время экспериментов. В США единственным федеральным законом, регулирующим эту деятельность, является Акт о благополучии животных. Он устанавливает стандарты транспортировки животных, их содержания и обращения с ними и касается домашних любимцев, а также животных, предназначенных для лабораторных исследований. Если же говорить непосредственно об экспериментах, то акт дает вивисектору право делать все, что захочется. Это сделано специально: когда этот закон принимался, Комитет по согласованию расхождений при

Конгрессе США (US Congress Conference Committee) дал следующее объяснение:

“ «Чтобы обеспечить защиту исследователю в этом вопросе, все правила в отношении животных во время непосредственного исследования или экспериментирования снимаются. Комитет не имеет намерения каким-либо образом вмешиваться в исследования и эксперименты».[110]

Один из разделов закона требует, чтобы частные предприятия и другие организации, отмеченные в этом законе (правительственные службы, проводящие исследования, и многие более мелкие организации не должны регистрироваться) подавали отчеты, указывающие, что при выполнении болезненных экспериментов без использования анестезирующих средств это было необходимо для достижения целей данного исследовательского проекта. При этом никем не предпринималось попыток выяснить, насколько важны эти цели и оправдывали ли они причинение боли. В данных обстоятельствах требование влечет за собой всего лишь дополнительную работу с бумагами, и именно это является главной жалобой вивисекторов. Конечно, они не могут давать собакам длительные удары электротоком, вызывающие состояние беспомощности, если сделают им анестезию. И депрессию у обезьян не получится вызвать, если при этом одновременно с помощью лекарств вызвать у них счастливое состояние или забытье. Поэтому в подобных случаях ученые могут честно сказать, что с использованием обезболивающих средств цель эксперимента не может быть достигнута, после чего ничто не мешает им продолжать практиковать эти опыты так же, как до появления вышеупомянутого акта.

Поэтому нас не должно удивить, например, то, что доклад об эксперименте с Платформой равновесия для приматов, в котором использовался зоман, предваряется следующим заявлением:

“ «Животные, использовавшиеся в этом исследовании, были предоставлены, содержались и использовались в соответствии с Актом о благополучии животных и «Руководством по уходу за лабораторными животными и их использованию» (Guide for the Care and Use of Laboratory Animals), которое было подготовлено Институтом лабораторных животных при Национальном исследовательском совете (National Research Council's Institute of Laboratory Animal Resources)».

Аналогичное заявление мы читаем в обучающем руководстве к ПРП, выпущенном Брукской военно-воздушной базой, в докладе о «колесе активности» для приматов, выпущенном Радиобиологическим исследовательским институтом при вооруженных силах и во многих других недавних американских публикациях, которые я процитировал. Это утверждение ничего не говорит о том, сколько страдали животные, и о том, насколько банальна была цель эксперимента. Однако оно нам многое рассказывает о ценности Акта о благополучии животных и «Руководства по уходу за лабораторными животными и их использованию».

Полное отсутствие эффективных правил в США составляет резкий контраст с ситуацией во многих других развитых странах. Например, в Британии никакой эксперимент не может быть проведен без лицензии, которую выдает государственный секретарь внутренних дел, а Акт о животных (о научных процедурах) (Animals (Scientific Procedures) Act) 1986 года прямо указывает, что, принимая решение о выдаче лицензии, «государственный секретарь сравнивает предполагаемое вредное воздействие на животных с ожидаемой пользой». В Австралии Кодекс практики (Code of Practice), разработанный ведущими правительственными научными органами (которые эквивалентны Национальным Институтам Здравоохранения в США (Institutes of Health)) требует, чтобы все эксперименты были одобрены Этическим комитетом по экспериментам на животных (Animal Experimentation Ethics Committee). Каждый такой комитет должен включать человека, который не работает в заведении, проводящем эксперимент, а также дополнительного независимого человека, который не задействован в экспериментах на животных. Комитет должен использовать подробный набор принципов и условий, среди которых имеется указание сравнить научную или образовательную ценность эксперимента с тем, как он может повлиять на благополучие животных. Кроме того, необходимо использовать анестезию в случае, если «эксперимент приносит такую боль, при которой в обычной медицинской или ветеринарной практике применяется обезболивание». Австралийский Кодекс практики относится ко всем исследователям, получающим правительственные гранты, и действия всех вивисекторов из Виктории, Нового Южного Уэльса и Южной Австралии ограничиваются государственным законом.[111] Швеция также требует, чтобы эксперименты были одобрены комитетами, в которые входят неспециалисты. В 1986 году, после обзора законов Австралии, Канады, Японии, Дании, Германии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Великобритании Служба технологической оценки при Конгрессе США сделала следующий вывод:

“ «В большинстве стран, рассмотренных с точки зрения этого показателя, законы защищают экспериментальных животных гораздо лучше, чем в США. Несмотря на эту защиту, люди, борющиеся за благополучие животных, активно настаивают на принятии еще более строгих законов, и многие страны, в том числе Австралия, Швейцария, Западная Германия и Соединенное Королевство, задумываются о значительных изменениях».[112]

Уже после того, как было сделано это заявление, более строгие законы появились в Австралии и Великобритании.

Я надеюсь, что это сравнение не будет понято неправильно. Оно не ставит целью показать, что в странах вроде Соединенного Королевства и Австралии все хорошо с экспериментами на животных. Это было бы далеко от правды. В этих странах «балансирование» между возможной пользой и причинением вреда животным по-прежнему происходит в условиях, когда поддерживается спесишистское отношение к животным. Таким образом, их интересы не могут учитываться наравне с интересами человека. Я сравнил ситуацию в США с ситуацией в некоторых других странах только для того, чтобы показать, что американские стандарты по этому вопросу ужасны не только с позиции зоозащитников, но и согласно нормам научных сообществ, существующих в других странах. Ученым США было бы полезно

взглянуть на себя глазами коллег из других стран. Когда я бываю на медицинских и научных конференциях в Европе и Австралии, меня часто отводят в сторону ученые. Они говорят мне, что, возможно, они не согласны со всеми моими взглядами по поводу вивисекции, но потом с ужасом в голосе рассказывают мне, что видели во время своей последней поездки в США. Неудивительно, что в уважаемом британском научном журнале «Новый ученый» один из авторов недавно описал США как «страну, которая кажется нацией варваров, если судить по ее законодательству в том, что касается защиты животных».[113] Раньше США отставали от цивилизованного мира в том, что касалось запрета рабства, а теперь – в том, чтобы облегчить положение животных-узников.

Незначительные поправки к Акту о благополучии животных США были сделаны в 1985 году. Они ужесточили требования, касающиеся выгула собак и условий содержания приматов, но в них не удалось решить самую насущную проблему, а именно вопрос о контроле над тем, что происходит во время эксперимента. Поправки были внесены институциональными комитетами по животным, но до тех пор, пока процедура проведения опытов без вмешательства остается неизменной, эти комитеты не могут влиять на то, что происходит во время экспериментов.[114]

В любом случае, невзирая на то, что Акт о благополучии животных был принят более 20 лет назад, он не оказывает практически никакого давления на вивисекторов. Для начала, министр сельского хозяйства вообще не устанавливал правила, которые бы распространяли действия этого закона на мышей, крыс, птиц и сельскохозяйственных животных, используемых в исследованиях. Это предположительно связано с тем, что Министерство сельского хозяйства не располагает достаточным числом инспекторов даже для того, чтобы наблюдать за условиями содержания таких животных, как собаки, кошки и обезьяны, не говоря уже о птицах, крысах, мышах и сельскохозяйственных животных. Вот что заявила Служба технологической оценки: «...средства и персонал, отвечающий за осуществление закона, никогда не соответствовали ожиданиям тех, кто считает, что главной задачей имеющегося закона является предотвращение и облегчение страданий подопытных животных». Служба проверила один список, в котором значились 112 организаций, проводящих эксперименты на животных, и выяснила, что 39% процентов из них не были даже зарегистрированы в том отделе Министерства сельского хозяйства, который инспектирует лаборатории. Более того, доклад службы указывает, что это был, возможно, скромный подсчет по сравнению с реальным числом незарегистрированных лабораторий, которые вообще не контролируются.[115]

В настоящее время регулирование экспериментов на животных в США является продолжающимся фарсом: существует закон, который, на первый взгляд, относится ко всем теплокровным лабораторным животным, но привести в действие его можно только с помощью правил, которые, по словам Службы технологической оценки, «возможно, не относятся к значительной части животных, используемых в экспериментах». Далее служба указывает, что исключение многих видов из сферы, затрагиваемой законом, «по-видимому, нарушает намерение Конгресса и находится вне установленной власти Министра сельского хозяйства».[116] Это очень резкие слова для обычно сдержанной Службы технологической оценки. Но и через три года ничего не было сделано для изменения ситуации.

Действительно, в 1988 году комиссия из лучших американских ученых рассматривала, но не приняла рекомендацию, распространяющую действие правил на всех теплокровных. Отказ никак не объяснялся. Это служит очередным примером того, насколько американские ученые препятствуют тому, чтобы внести самые элементарные улучшения в условия содержания лабораторных животных.[117]

Итак, нет признаков окончания фарса. Проблема в том, что это решительно не смешно. Нет оснований считать, что мыши и крысы менее чувствительны к боли и страданиям или меньше нуждаются в элементарных правилах содержания и транспортировки, чем морские свинки, хомяки, кролики и многие другие животные.

Вплоть до данного момента при описании опытов в данной главе я ограничивался резюмированием докладов, которые были написаны самими вивисекторами и опубликованы в научных журналах. Такие свидетельства нельзя считать преувеличениями. Но в связи с тем, что адекватный контроль или инспектирование происходящего во время экспериментов, полностью отсутствуют, реальность часто оказывается хуже опубликованных отчетов. Это стало ясно в 1984 году по опытам, которые проводил Томас Дженнарелли (Thomas Gennarelli) в Университете Пенсильвании. Целью эксперимента было наносить травмы головы обезьянам, а потом изучать характер повреждений мозга. Согласно официальным документам, поданным для получения гранта, обезьяны должны были быть анестезированы. Таким образом, казалось, что эти эксперименты не влекут страданий. Но члены одной из групп Фронта освобождения животных (Animal Liberation Front) имели другую информацию. Они также выяснили, что Дженнарелли заснял свои эксперименты на видео. Группа проникла в лабораторию и выкрала видеокассеты. На пленке были бабуины, не получившие никакой анестезии и находящиеся в сознании. Они сопротивлялись, когда их привязывали, чтобы нанести ранения головы. Животные корчились от боли, действие наркоза, судя по всему, закончилось в процессе того, как хирурги оперировали их на открытом мозге. Кроме того, слышно, как экспериментаторы передразнивают испуганных, страдающих животных и смеются над ними. Эти видеозаписи оказались настолько шокирующими, что министр здравоохранения и социального обеспечения прекратил финансировать Дженнарелли, хотя для достижения этого результата Вашингтонскому отделению PETA и сотням сторонних зоозащитников в течение года потребовалось проводить большую работу.[118] После этого достоянием гласности стали и другие примеры. Обычно это происходило благодаря какому-нибудь работнику лаборатории, который начинал бить в колокола ценой потери рабочего места. Например, в 1986 году Лесли Фейн (Leslie Fain), зоотехник из экспериментальной лаборатории компании Gillette в Роквилле, штат Мэриленд, уволилась с работы и передала зоозащитникам фотографии, которые были сделаны в лаборатории. На снимках было видно, как Gillette тестирует новые формулы розовых и коричневых чернил для ручек Paper Mate, заливая их в глаза кроликам, находящимся в полном сознании. Оказалось, что чернила имеют очень раздражающее действие, и у некоторых кроликов они вызвали кровотечение из глаз.[119] Остается только догадываться, в скольких лабораториях с животными обращаются подобным образом, но ни у кого так и не хватило смелости предпринять что-то по этому поводу.

Имеют ли эксперименты на животных оправдание? Когда некоторые люди узнают о природе многих опытов, они говорят, что все подобные исследования должны быть немедленно

запрещены. Но если мы станем выдвигать такие категоричные требования, вивисекторы вынут из-за пазухи давно заготовленный козырь: «Готовы ли мы обречь на смерть миллионы людей, при том, что их может спасти один-единственный эксперимент на животном?»

Конечно, это вопрос чисто гипотетический. Никогда не было и не могло быть одного-единственного эксперимента, который мог бы спасти тысячи жизней. В ответ на этот гипотетический вопрос можно задать другой: «Готовы ли вивисекторы провести свой эксперимент на ребенке-сироте младше 6 месяцев, если это единственный способ спасти тысячи жизней?» Если экспериментаторы не готовы использовать человеческого младенца, то их согласие использовать не-людей означает неоправданную форму дискриминации по видовому признаку, потому что взрослые человекообразные обезьяны, мартышки, собаки, кошки, крысы и другие животные больше, чем человеческий младенец, осознают происходящее с ними, более самостоятельны и, насколько нам известно, так же чувствуют боль. Я указал, что младенец должен быть сиротой, чтобы избежать проблем с чувствами родителей. В любом случае, уточнение данной детали – это большая уступка по отношению к тем, кто защищает использование не-людей в экспериментах, потому что млекопитающих, предназначенных для опытов, обычно отрывают от родителей в раннем возрасте, когда разлучение вызывает страдания и у матери, и у детеныша. Насколько мы знаем, человеческие младенцы не обладают ни одной значимой с моральной точки зрения характеристикой в большей мере, чем взрослые не-люди, если только мы не станем рассматривать потенциал младенца как ту характеристику, из-за которой экспериментирование на нем становится злом. Следует ли принимать во внимание данную характеристику – вопрос сложный. Если мы учитываем ее, то, наряду с экспериментами на младенцах, нам придется осудить аборт, потому что возможности у эмбриона и у новорожденного младенца одинаковые. Но чтобы избежать сложностей, нам надо немного изменить первоначальную постановку вопроса и предположить, что младенец обладает необратимым повреждением головного мозга. Этот порок настолько силен, что при нем умственное развитие не может выйти за уровень 6-месячного возраста. К сожалению, существует немало таких человеческих существ, они заперты в специальных палатах по всей стране, и некоторых из них уже давно бросили родители и родственники – к сожалению, никто их не любит. Невзирая на умственную неполноценность, анатомия и физиология этих младенцев почти во всех отношениях идентична строению тела у нормальных людей. Если бы по этой причине мы насильно кормили их большим количеством лака для полов или капали бы им в глаза концентрированные растворы косметики, мы бы получили гораздо более надежные сведения о безопасности этого продукта для человека, чем сейчас, когда пытаемся перенести результаты опытов на другие биологические виды. Тест ЛД-50, тест Драйза, эксперименты с радиацией, с тепловым ударом и многие другие, описанные ранее в этой главе, гораздо больше бы рассказали о человеческой реакции на происходящее, если бы проводились не на кошках или кроликах, а на людях с серьезным повреждением головного мозга.

Поэтому всякий раз, когда вивисекторы заявляют, что важность их опыта оправдывает использование животных, нам следует спросить их, а готовы ли они использовать человека с мозговой патологией и с таким же уровнем умственного развития, как и животные, которых они собираются использовать. Время от времени становилось известно, что медицинские эксперименты проводились на людях без их согласия; однажды это произошло

с умственно неполноценными детьми из интерната – им прививали гепатит.[120] Когда появляется информация о таких жестоких экспериментах на человеке, это обычно приводит к протестам, что правильно. Очень часто опыты служат очередным примером высокомерия научного сотрудника, который для получения знаний оправдывает любые действия. Но если вивисектор заявляет, что причинение страданий животным оправдывается важностью эксперимента, почему аналогичная важность не допускает страданий людей с таким же уровнем развития? Какая разница между этими двумя случаями? Неужели она заключается только в том, что один индивид является членом нашего вида, а другой – нет? Но действия, исходящие из этого предубеждения, обнажают предрассудок, который имеет не больше оправданий, чем расизм или любая другая форма произвольной дискриминации. Аналогия между спесишизмом и расизмом в случае с вивисекцией относится и к практике, и к теории. Откровенный спесишизм ведет к болезненным экспериментам на других видах, и в качестве оправдательного аргумента приводятся вклад в знания и возможная польза для нашего вида. Откровенный расизм привел к болезненным экспериментам на представителях других рас, а оправданием служил вклад в научную копилку и возможная польза для расы, ставившей опыты. В Германии во времена нацистского режима почти 200 врачей, некоторые из которых занимали видные места в медицинском мире, участвовали в экспериментах над евреями, а также над русскими и польскими узниками. Тысячи других эскулапов знали об этих экспериментах, а некоторые из них даже становились темами лекций в медицинских академиях. Тем не менее, записи показывают, что врачи слушали до конца устные сообщения коллег о том, какой вред наносился этим «низшим расам», а потом продолжали обсуждать медицинские уроки, извлеченные в ходе этого, и никто не высказывал даже робкого протеста против характера тех опытов. Потрясают параллели между этим подходом и тем, что сейчас практикуют вивисекторы по отношению к животным. Тогда так же, как и сейчас, субъектов эксперимента замораживали, перегревали и помещали в декомпрессионные камеры. Тогда так же, как и сейчас, эти события описывались на бесстрастном научном жаргоне. Нижеследующий абзац взят из отчета, в котором нацистский ученый описывает эксперимент на человеке, помещенном в декомпрессионную камеру:

“ «Через 5 минут появились спазмы; между шестой и десятой минутами участилось дыхание; тестируемый человек начал терять сознание. С одиннадцатой минуты по тринадцатую дыхание замедлилось до трех вдохов в минуту, а к концу этого периода прекратилось полностью. Через полчаса после остановки дыхания было начато вскрытие».[121]

После победы над нацистами эксперименты с декомпрессионной камерой не прекратились. Они стали проводиться на не-людях. Например, в Университете Ньюкасла-на-Тайне (University of Newcastle on Tyne) в Англии ученые использовали поросят. В течение 9 месяцев они подвергались декомпрессиям до 81 раза. У всех наблюдались приступы декомпрессионной слабости, после которых некоторые животные умирали.[122] Этот эксперимент слишком хорошо иллюстрирует то, что написал великий еврейский писатель Исаак Башевис Зингер: «В том, что касается поведения по отношению к животным, все люди – нацисты».[123]

Опыты на тех, кто не попадает в группу, к которой относятся экспериментаторы – это постоянно повторяющаяся история с разными жертвами. В США в XX веке наиболее известный случай экспериментирования на людях произошел в Таскеджи, штат Алабама. Больные сифилисом специально не получали лечение, чтобы можно было пронаблюдать естественное течение болезни. Это произошло тогда, когда уже давно было известно, что сифилис эффективно лечится пенициллином. Конечно же, жертвы эксперимента, не получавшие лечения, были неграми.[124] Громкий международный скандал, связанный с экспериментированием на людях, разразился в Новой Зеландии в 1987 году. Уважаемый врач в одной из ведущих больниц Окленда решил не лечить пациентов с ранними признаками рака. Он пытался доказать свою нетрадиционную теорию, гласившую, что эта форма рака не будет развиваться дальше, но не рассказывал своим пациентам, что они являются частью опыта. Его теория оказалась неверна, и 27 больных умерли. На этот раз жертвами были женщины.[125]

Когда такие случаи становятся достоянием гласности, реакция общества ясно дает понять, что наш этический круг шире, чем у нацистов, и что мы не намерены равнодушно относиться к другим людям; но до сих пор существует множество чувствующих существ, по поводу которых мы, кажется, вообще не проявляем беспокойства.

Мы еще не ответили на вопрос, может ли эксперимент быть оправдан. Слово «никогда» здесь не годится. Излагать вопросы морали в таких черно-белых выражениях – это привлекательно, потому что в этом случае отпадает нужда обдумывать конкретные случаи, но в экстремальных ситуациях подобные категорические ответы всегда терпят неудачу. Истязание человека почти всегда неправомерно, но не абсолютно неправомерно. Если бы пытки были единственным способом, с помощью которого мы могли бы обнаружить местоположение ядерной бомбы, спрятанной в каком-нибудь подвале Нью-Йорка и настроенной на взрыв в течение часа, то они имели бы оправдание. Аналогично, если бы единственный эксперимент мог победить болезнь вроде лейкемии, он был бы оправдан. Но в реальной жизни все выгоды находятся в отдаленной перспективе, а гораздо чаще их просто не существует. Итак, каким образом мы можем решить, оправдан ли эксперимент? Мы уже видели, что у вивисекторов наблюдается предубежденное отношение к существам других видов. Они ставят опыты на животных, преследуя цели, для достижения которых не считают возможным использовать людей даже с поврежденным мозгом. Этот принцип дает нам понять, как отвечать на злополучный вопрос. Предубеждение по видовому признаку, так же, как и по расовому, не оправдано, поэтому эксперимент получает оправдание только тогда, когда его важность сделала бы возможным использование человека с поврежденным мозгом.

Это не абсолютный принцип. Я не считаю, что экспериментирование на человеке с поврежденным мозгом никогда не имеет оправданий. Если бы действительно была возможность спасти несколько жизней с помощью эксперимента, забирающего только одну жизнь, и если бы не было других способов спасти эти жизни, то было бы правильно провести этот эксперимент. Но это исключительно редкий случай. Конечно же, ни один из опытов, описанных в данной главе, не прошел бы такое испытание. Скорее всего, здесь возникла бы некая серая область, в рамках которой трудно принять решение об оправданности исследования; подобное всегда происходит, когда речь идет о проведении разделительной

линии. Но нам сейчас не надо отвлекаться на эти размышления. Как показала эта глава, мы являемся свидетелями чудовищного положения, в котором миллионам животных причиняются невероятные страдания, а преследуемые при этом цели явно с любой непредвзятой точки зрения не соответствуют тому, чтобы оправдать мучения. Когда мы откажемся от всех этих экспериментов, настанет время обсудить, что делать с теми оставшимися, которые считаются необходимыми для спасения жизней или предотвращения больших страданий.

В Соединенных Штатах, где нынешнее отсутствие контроля за вивисекцией делает возможным проведение опытов, описанных на предыдущих страницах, первым минимальным шагом должно стать требование не проводить эксперименты, если их предварительно не одобрил этический комитет с неизменным наличием представителей зоозащитных организаций в своем составе. Он должен быть наделен правом запретить исследования, если, по его мнению, вред животным перевешивает потенциальную пользу. Как мы убедились, подобные системы уже существуют в таких странах, как Австралия и Швеция, и научное сообщество этих стран считает их справедливыми и разумными. Если исходить из этических аргументов, приведенных в этой книге, то такая система далека от идеала. Зоозащитники в таких комитетах входят в состав организаций, которые придерживаются определенного спектра взглядов но, по понятным причинам, те, кто получает и принимает приглашения вступить в этические комитеты по экспериментированию на животных, чаще происходят из менее радикальных слоев зоозащитного движения. Возможно, они сами не рассматривают интересы животных наравне с интересами людей. Или, даже если и согласны с такой позицией, все равно при разборе заявок на выполнение опытов считают не в состоянии эту позицию отстаивать, потому что им кажется невозможным убедить других членов комитета. Вместо этого они склонны настаивать на тщательном рассмотрении альтернатив, приложении должных усилий для минимизации боли и явственной демонстрации значительной потенциальной пользы, важность которой перевешивает неустранимые в ходе эксперимента боль и страдания. Работающий в наши дни этический комитет по экспериментированию на животных почти неизменно применяет эти стандарты спесиистским образом, а мучения подопытных принимаются во внимание меньше, чем возможная польза для человека в будущем; но, даже несмотря на все это, упор на таких стандартах значительно сократил бы число ныне разрешенных болезненных экспериментов и уменьшил бы страдания, испытываемые в ходе других исследований. В глубоко спесиистском обществе отсутствует быстрое решение подобных проблем. По этой причине некоторые зоозащитники не имеют с этическими комитетами никаких дел. За последние полтора столетия антививисекционной деятельности их требования выдвигались множество раз, но не наблюдалось никаких признаков того, чтобы они в какой-либо стране набирали много сторонников. Вместе с тем, число животных, страдающих в лабораториях, продолжало расти вплоть до недавних прорывов, которые описывались ранее в этой главе. Все эти прорывы произошли благодаря работе людей, которые нашли альтернативу подходу «все или ничего» – в случае с животными такая позиция действительно означает «ничего». Одна из причин, по которой не удалось убедить людей в необходимости немедленного отказа от опытов на животных, состоит в ответе ученых. Они утверждают, что принять это требование значит отказаться от перспективы найти лекарства от страшных болезней, которые до сих пор убивают наших детей. В США вивисекторы могут делать с животными практически все, что

заблагорассудится, и один из шагов к прогрессу мог бы состоять в том, чтобы спросить людей, использующих это утверждение для обоснования необходимости экспериментов, готовы ли они принимать требования этического комитета, в который входят зоозащитники и который уполномочен соотносить вред для животных и возможную пользу для человека. Если ответ отрицательный, то отстаивать опыты с помощью аргумента о том, что это нужно для лечения серьезных болезней значит обманчивым образом отвлекать внимание. Именно это вводит общественность в заблуждение по поводу того, что надо вивисекторам: разрешения делать с животными что угодно. Ибо, в противном случае, почему бы им не принять тот факт, что судьбу эксперимента решает этический комитет, который так же заинтересован в победе над основными болезнями, как и они? Если ответ положительный, то вивисектора нужно попросить подписать просьбу о создании такого комитета.

Предположим, мы смогли бы выйти за рамки минимальных преобразований, которые уже имели место в более цивилизованных странах. Допустим, мы смогли бы достигнуть точки, на которой интересы животных ставятся в один ряд с подобными интересами человека. Это означало бы конец широкой индустрии вивисекции, какой мы ее знаем сейчас. По всему миру клетки бы распахнулись, а лаборатории закрылись. Но не надо думать, что в этом случае медицинские исследования остановились бы или рынок наводнила бы не тестированная продукция. Что касается новой продукции, я уже сказал, что нам бы действительно пришлось обходиться меньшим спектром препаратов и использовать уже известные и безопасные ингредиенты, но это не стоит считать большой потерей. А для тестирования действительно необходимой продукции, а также для других видов исследований могут быть найдены альтернативные методы, не требующие животных. В первом издании книги я писал, что «ученые не ищут альтернативы по простой причине – они не заботятся о животных, которых используют». Потом я сделал прогноз: «В этой сфере было сделано очень мало усилий, и, если им придать больше внимания, то первые результаты окажутся более многообещающими». Последнее десятилетие показало правильность обоих этих заявлений. Мы уже увидели, что при тестировании бытовой продукции гораздо больше сил стало уделяться поиску альтернатив опытам на животным. Это произошло не потому, что ученые внезапно начали больше заботиться о подопытных, а в результате шумных кампаний, которые проводились зоозащитниками. То же самое могло бы произойти и в других сферах вивисекции.

Животных заставляют вдыхать табачный дым месяцами и даже годами, хотя связь между использованием табака и раком легких была выявлена благодаря данным, полученным в ходе клинической практики – то есть при работе с пациентами-людьми.[126] Правительство США продолжает выделять миллиарды долларов на онкологические исследования, но при этом финансирует табачную промышленность. Значительная часть денег, выделенных на исследования, идет на опыты, многие из которых имеют лишь отдаленное отношение к борьбе с раком. Известно, что вивисекторы переименовывают свою работу в «онкологические исследования» с тех пор как обнаружили, что так можно получать больше денег, чем если проводить эксперименты под какой-то другой эгидой. Одновременно мы продолжаем проигрывать в войне против многих видов рака. Цифры, которые были опубликованы в 1988 году Национальным онкологическим институтом Соединенных Штатов (United States National Cancer Institute), показывают, что общая заболеваемость раком за последние 30 лет возрастает на 1 процент в год (даже если принять в расчет

увеличивающийся возраст населения). Недавние сообщения о том, что среди молодых американцев сокращается заболеваемость раком легких, может служить первым признаком того, что эту тенденцию удастся изменить, так как рак легких вызывает больше смертей, чем любая другая форма рака. Но радостная новость о том, что заболеваемость снижается связана не с улучшениями в лечении, а с тем, что более молодое поколение, особенно белые мужчины, стали меньше курить. Выживаемость при раке легких увеличилась слабо.[127] Мы знаем, что курение вызывает 80-85% всех случаев рака легких. Мы должны спросить себя, можем ли мы оправдать то, что для вызывания рака легких у миллионов животных им дают вдыхать сигаретный дым; между тем, как нам известно, отказ от табака может практически ликвидировать эту болезнь? Если люди решают не отказываться от курения, зная, что тем самым рискуют заболеть раком легких, правомерно ли заставлять животных страдать из-за их решения?

Низкие показатели в том, что касается лечения рака легких, идут бок о бок с общей картиной лечения рака. Несмотря на то, что в лечении некоторых онкологических заболеваний были сделаны успехи, число людей, проживших 5 или более лет после того, как у них обнаружился рак, увеличилось с 1974 года менее чем на 1 процент.[128] Более многообещающий подход – это профилактика, особенно когда она осуществляется путем пропаганды здорового образа жизни. Сейчас больше и больше ученых признают, что эксперименты на животных на самом деле препятствуют нашему пониманию человеческих болезней и не дают найти для них лечение. Например, исследователи из Национального института экологического здравоохранения (National Institute of Environmental Health Sciences) в Северной Каролине недавно предупредили, что эксперименты на животных могут давать неверную информацию о веществах, вызывающих рак у людей. Соприкосновение с мышьяком, по-видимому, увеличивает риск рака у человека, но такой эффект не наблюдается при лабораторных опытах на животных.[129] В 1985 году в престижном военном исследовательском институте Уолтер Рид (Walter Reed Army Institute of Research) в США была разработана вакцина, которая действовала на животных, но оказалась в большой мере неэффективной для человека; вакцина, которую создали колумбийские ученые при работе с добровольцами, более эффективна.[130] В наши дни сторонники вивисекции часто говорят о том, как важно найти лекарство от СПИДа; но Роберт Галло (Robert Gallo), первый американец, изолировавший ВИЧ-инфекцию, сказал, что потенциальная вакцина, разработанная французским исследователем Даниелем Загури (Daniel Zagury), проявила большую эффективность, когда стимулировала выработку антител у человека, а не у животных. Он также добавил: «Результаты опытов на шимпанзе не очень впечатлили... Может быть, нам надо более активно проводить тесты на людях?»[131] Важно, что больные СПИДом люди поддержали этот призыв: «Давайте мы будем вашими морскими свинками», – предложил активист-гей Ларри Крамер (Larry Kramer).[132] Очевидно, этот призыв имеет смысл. Лечение найдется быстрее, если эксперименты будут проводиться непосредственно на людях-добровольцах; а вследствие характера болезни и крепких связей в среде гомосексуалистов, недостатка в добровольцах не предвидится. Конечно, следует позаботиться о том, чтобы эти добровольцы ясно понимали, на что идут и чтобы не делали это под давлением или принуждением. Но дать такое согласие не было бы неразумным. Почему люди должны умирать от неизбежно смертельной болезни, в то время как потенциальное лечение проходит тестирование на животных, у которых в нормальных условиях СПИД не развивается?

Сторонники вивисекции любят говорить нам, что опыты на животных намного увеличили нашу продолжительность жизни. Например, в разгар дебатов, которые были посвящены изменению британского закона о вивисекции, Ассоциация Британской фармацевтической промышленности (Association of the British Pharmaceutical Industry) выпустила в газете «Гардиан» (The Guardian) рекламу на полную страницу под заголовком: «Говорят, жизнь начинается в 40 лет. Еще недавно в этом возрасте она кончалась». Далее говорится, что в наши дни смерть человека в 40 лет считается трагедией, а в XIX веке не было ничего удивительного в похоронах 40-летнего мужчины, так как в то время средняя продолжительность жизни составляла 42 года. В рекламе утверждается, что «большинство из нас доживают до 70 лет благодаря прорывам, которые были сделаны в ходе исследований, требующих использование животных».

Такие заявления – просто ложь. Более того, эта конкретная реклама настолько откровенно вводит в заблуждение, что доктор Дэвид Ст. Джордж (David St. George), специалист по общественной медицине, написал в журнал «Ланцет» следующее: «...данная реклама представляет собой хороший учебный материал, поскольку она иллюстрирует две основные ошибки в интерпретации статистики». Он также сослался на важную книгу Томаса Маккиона (Thomas McKeown) «Роль Медицины» («The Role of Medicine»), опубликованную в 1976 году.[133] Она послужила началом дебатов о том, как начиная с середины XIX века социальные и внешние изменения воздействовали на снижение смертности по сравнению с практикой медицинского вмешательства. Маккион добавил:

“ «Этот спор окончен, и сейчас общепризнано, что медицинское вмешательство имело минимальное влияние на смертность населения, и обычно на очень поздней стадии, после радикального снижения смертности».[134]

Дж.Б. и С.М. Маккинли (J.B. and S.M. McKinley) пришли к аналогичному выводу в исследовании, цель которого – в анализе спада десяти основных инфекционных болезней в Соединенных Штатах. Исследование показало, что во всех случаях, кроме заболеваний полиомиелитом, смертность кардинально сократилась (главным образом, благодаря улучшениям в санитарии и питании) до того, как были введены какие-либо новые формы медикаментозного лечения. Ученые сосредотачивают внимание на том, что общая смертность в США с 1910 по 1984 уменьшилась на 40 процентов, и дают «осторожную» оценку: «Возможно, 3,5% от общего падения смертности может быть объяснено медицинским вмешательством при основных инфекционных заболеваниях. Действительно, если согласиться с тем, что в случае именно с этими болезнями медицина претендует на большую часть успеха при снижении смертности, то 3,5% – это, вероятно, максимальный вклад, какой способны внести медицинские меры в снижение смертности от инфекционных заболеваний в США».[135] Не забудьте, что 3,5% – это доля всех медицинских вмешательств. Вклад экспериментов на животных может составлять максимум лишь часть от этого крохотного вклада в снижение смертности.

Безусловно, есть области научных исследований, которым бы помешало истинное принятие во внимание интересов животных, используемых в экспериментах. Несомненно, некоторые

успехи в познании не были бы так просто достигнуты без использования животных. Примеры важных открытий, которые упоминаются сторонниками вивисекции, остались в прошлом. Это работа Харви (Harvey), посвященная кровообращению. Это открытие инсулина и его роли при диабете Бэнтингом (Banting) и Бестом (Best). Это осознание того, что полиомиелит – вирусное заболевание, и разработка вакцины против него. Это несколько открытий, которые сделали возможными операции на открытом сердце и аортокоронарное шунтирование. Это понимание нашей иммунной системы и способов, с помощью которых можно преодолеть отторжение пересаженных органов.[136] Но некоторые противники вивисекции опровергли утверждение о том, что для этих открытий требовалось проводить эксперименты на животных.[137] Я не собираюсь вдаваться в детали. Мы только что убедились в том, что вклад опытов на животных в науку был крайне скромным; они мало повлияли на продление нашей жизни, а оценить, насколько они улучшили ее качество, очень сложно. В более фундаментальном смысле спор о пользе, полученной от таких экспериментов, по большому счету неразрешим: даже если с использованием животных были сделаны важные открытия, мы не можем сказать, насколько эффективны были бы медицинские исследования, если бы ученые с самого начала были вынуждены разрабатывать альтернативы. Возможно, некоторые открытия задержались бы или вообще не были бы сделаны, зато удалось бы избежать ошибок, и, вероятно, медицина развивалась бы в совершенно другом и более эффективном направлении, при котором акцент делался бы не на лечении, а на профилактике.

В любом случае, этический вопрос о том, оправданы ли опыты на животных, нельзя решить, указывая на их выгоды, какими бы убедительными ни были аргументы в их пользу. Этический принцип, который заключается в одинаковом уважении интересов, исключает некоторые способы получения знаний. Право стремиться к знаниям – не святое. Мы уже принимаем многие ограничения, касающиеся научной деятельности. Мы не считаем, что ученые имеют право выполнять болезненные или смертельные эксперименты на людях без их согласия, хотя зафиксирована масса случаев, в которых такие эксперименты ускорили бы процесс познания гораздо сильнее, чем любой другой метод. Теперь мы должны расширить ограничения, касающиеся научных исследований.

Наконец, важно понять, что во всем мире серьезные медицинские проблемы в значительной мере продолжают существовать не из-за того, что мы не знаем, как справиться с болезнью и сохранить здоровье людей, а из-за того, что никто не вкладывает достаточно усилий и средств в реализацию того, о чем мы уже знаем. Мы знаем, как лечить болезни, опустошающие Азию, Африку, Латинскую Америку и очаги бедности на индустриальном Западе. Они ликвидированы в обществах, где имеется достойное питание, санитария и здравоохранение. Подсчитано, что еженедельно в мире умирают 250000 детей, и в четверти случаев причиной смерти становится обезвоживание, вызванное поносом. Смерть этих детей можно было бы предотвратить с помощью простого и уже известного лечения, при котором не требуются эксперименты на животных.[138] Тот, кто действительно печется об усовершенствовании здравоохранения, возможно, сделал бы большой вклад, если бы покинул лабораторию и позаботился о том, чтобы имеющиеся у нас знания о медицине дошли до нуждающихся. После всего сказанного остается практический вопрос: что можно сделать, чтобы изменить широко распространенную практику экспериментирования на животных? Несомненно, требуются какие-то действия для смены правительственной

политики, но какие конкретно шаги? Что может сделать простой гражданин, чтобы помочь внести эти изменения? Власти склонны игнорировать протесты против вивисекции, исходящие от избирателей, потому что находятся под чрезмерным влиянием научных, медицинских и ветеринарных организаций. В Соединенных Штатах эти объединения имеют зарегистрированное политическое лобби в Вашингтоне, которое блокирует предложения по поводу ограничения экспериментов. Поскольку у законодателей нет времени вникать в глубины и специфику области, они полагаются на то, что им говорят «специалисты». Но это вопрос морали, а не науки, и «специалисты» обычно заинтересованы в продолжении экспериментов, либо же они настолько поглощены этикой продвижения знаний, что не могут оторваться от этой позиции и критически взглянуть на то, что делают их коллеги. Более того, сейчас появились профессиональные PR-организации, такие как Национальная ассоциация за биомедицинские исследования (National Association for Biomedical Research). Их единственная цель – улучшить имидж вивисекции в глазах общественности и законодателей. Ассоциация издает книги, выпускает видеокассеты и проводит семинары, посвященные оправданиям опытов на животных. Ассоциация и подобные ей учреждения живут припеваючи, потому что все больше людей испытывает беспокойство в связи проблемой вивисекции. Мы уже видели на примере другой лоббистской организации, Ассоциации британской фармацевтической промышленности, как подобные группы могут вводить общественность в заблуждение. Законодатели должны понять, что при обсуждении экспериментов на животных им надо относиться к таким организациям, а также к медицинским, ветеринарным, психологическим и биологическим объединениям так же, как они бы относились к «Дженерал Моторз» и «Форду», если бы обсуждался вопрос о загрязнении воздуха.

Проведению реформы препятствуют и крупные компании, участвующие в прибыльном деле разведения или отлова животных и их продажи или производящие и продающие клетки, корма, а также оборудование для экспериментов. Эти компании готовы тратить огромные деньги на то, чтобы противостоять принятию законов, которые могут лишить их прибыли. При финансовых интересах такого рода, тесно связанных с престижем медицины и науки, борьбе за прекращение спесишизма в лаборатории суждено быть долгой и трудной. Какой путь к успеху самый лучший? Вряд ли западная демократия отменит все эксперименты на животных одним махом. Правительства так не работают. Эксперименты на животных прекратятся только тогда, когда серия постепенных реформ снизит их важность, заменит их во многих сферах и в значительной мере изменит общественное отношение к животным. Таким образом, немедленная задача заключается в работе по достижению этих частичных целей, которые можно рассматривать как столбы с указателями километража на длинном пути, ведущем к отказу от эксплуатации всех чувствующих существ. Все, кто желает прекратить страдания животных, могут попытаться сделать достоянием общественности то, что происходит в университетах и коммерческих лабораториях в их собственных государствах. Потребители могут отказаться от покупки продукции, которая тестировалась на животных; альтернативы сейчас доступны, особенно в косметике. Студентам надо отказываться от участия в опытах, которые, на их взгляд, неэтичны. Любой человек может изучить научные журналы, чтобы узнать, где проводятся болезненные эксперименты, а потом найти какой-то способ познакомить общественность с тем, что происходит.

Необходимо также сделать этот вопрос политическим. Как мы уже убедились, законодатели получают огромное количество писем по поводу экспериментов на животных. Но, чтобы придать вопросу о вивисекции политическую окраску, потребовалось много лет усердной работы. К счастью, этот процесс уже запущен в нескольких странах. В Европе и Америке экспериментами на животных серьезно занимаются политические партии, особенно те, которые в политическом спектре ближе к «зеленым». На президентских выборах 1988 года в программе Республиканской партии говорилось, что следует облегчить и ускорить процесс сертификации альтернатив, с помощью которых заменяется тестирование на животных лекарств и косметики.

Эксплуатация лабораторных животных составляет часть более крупной проблемы спесишизма, и вряд ли ее удастся полностью ликвидировать до того, как исчезнет сам спесишизм. Но, безусловно, когда-нибудь дети наших детей будут читать о том, что происходило в лабораториях XX века, испытывая при этом такое же чувство ужаса и недоверия к тому, что могли делать цивилизованные люди, какое испытываем мы, когда читаем о римских гладиаторских аренах или работорговле XVIII века.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:35:00

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:41:53